

А. А. Малахов **Каменные грёзы**

*Это — область чьей-то грёзы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.*

В. Брюсов. Первый снег

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1980

А. А. Малахов

Каменные грёзы

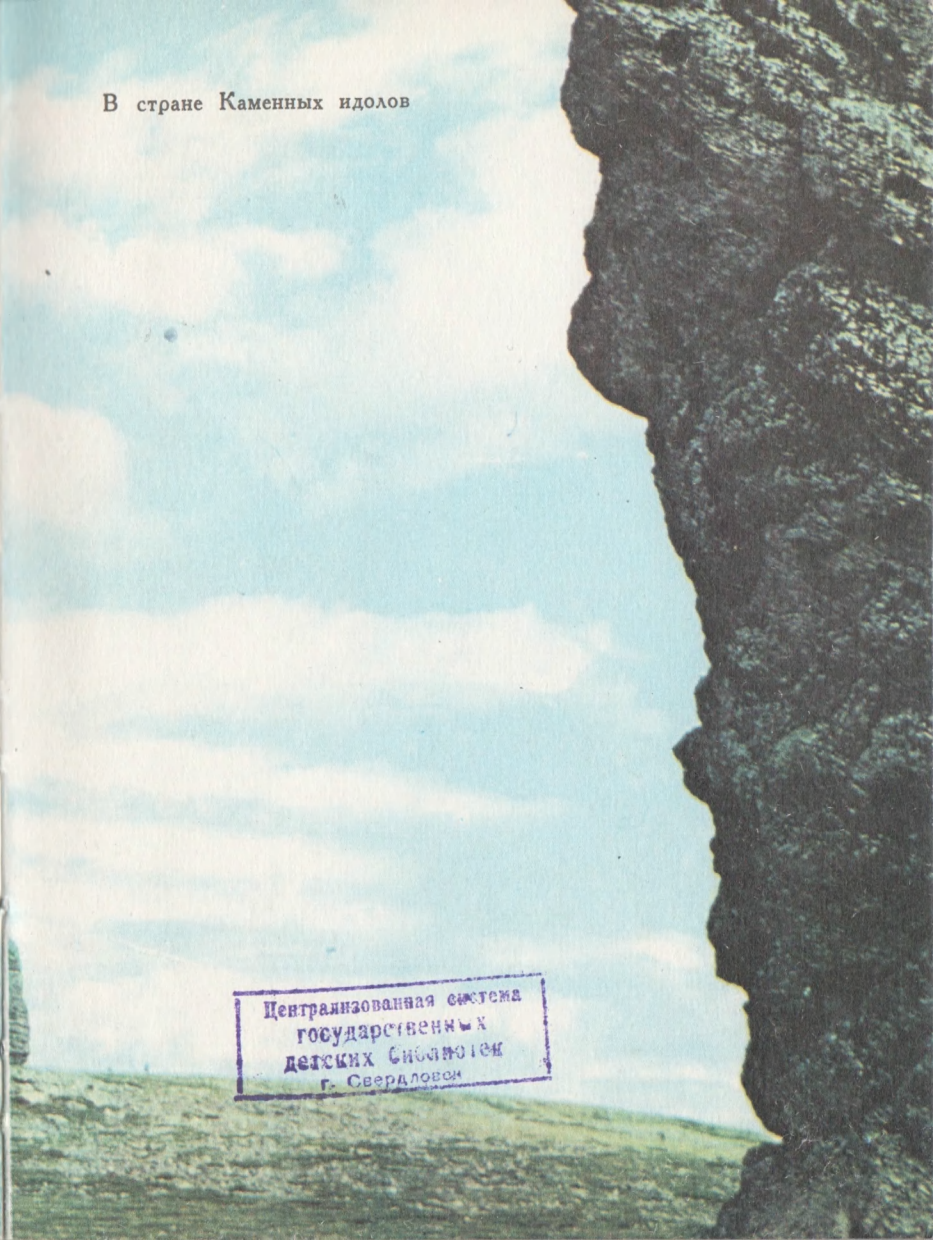
7040
005350 ф17
Централизованная система
государственных
детских библиотек
г. Свердловск

М. 20904
М158(0), 50

© Средне-Уральское книжное
издательство, 1980

В стране Каменных идолов

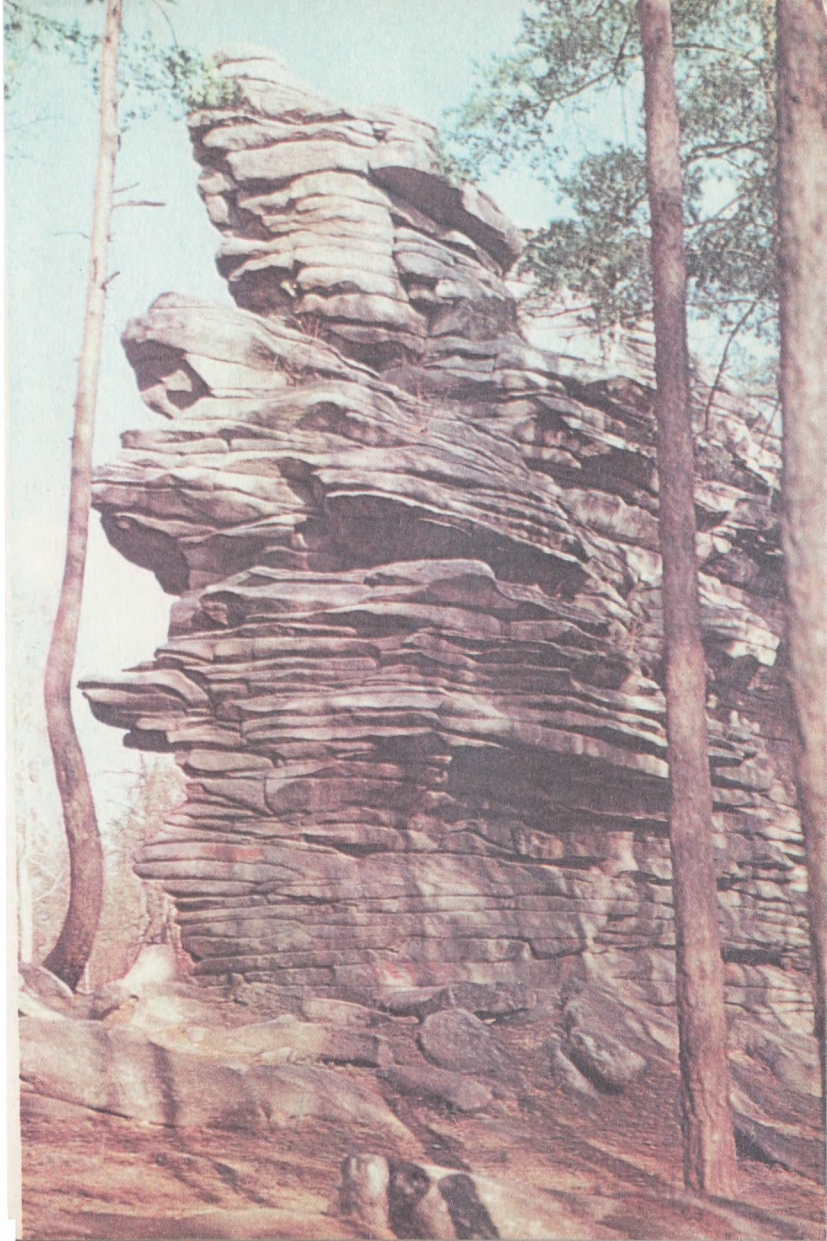

Централизованная система
государственных
детских библиотек
г. Свердловск

Легендами овеяны останцы Петра Гронского

Чергово Городище

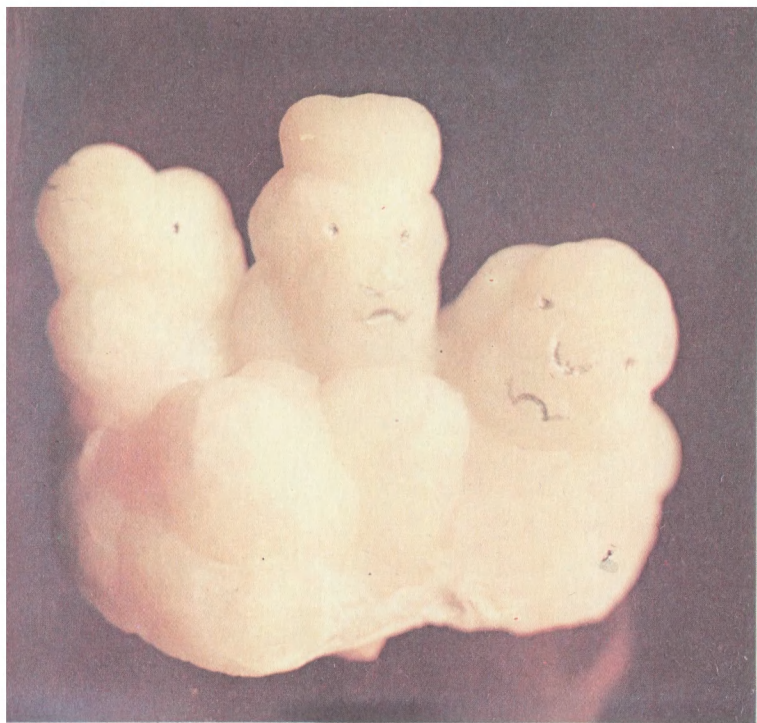

Увеличенные кристаллы антимонита похожи
на сказочный горный пейзаж

Пирит — железный колчедан поисковики
иногда путают с золотом

Кусок колчедана, напоминающий игрушечного
мишку

А эти сrostки арагонита похожи на окаменевших
пуделей

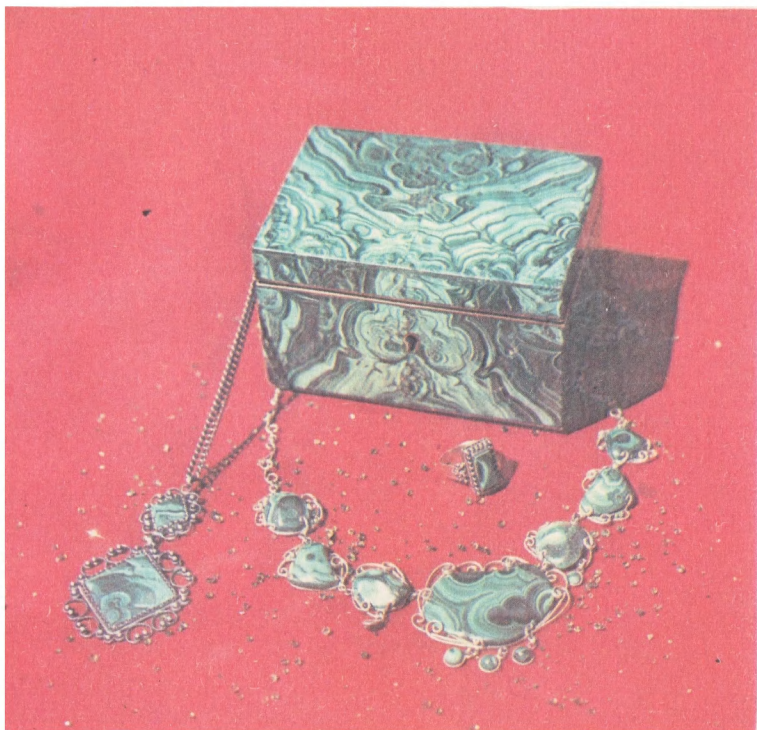

Столешница из малахита

Мимо глыбы малахита трудно пройти
равнодушным

«Только для красавиц» продавали в старину
гарнитуры из малахита и агата

Лучшие украшения хранились обычно в таких
шкатулках из малахита

Вот они — украшения из малахитовой
шкатулки: гарнитур из яшмы

Такое не прифрезится

Грезы — это мечты, фантастические представления о желаемом, идеальные образы.

Грезить — воображать желаемое, видеть самое прекрасное в своих снах, вспоминать ушедшие мгновения юности.

Возникают грезы в полузабытии на морском пляже или в весенний вечер в сосновом лесу. Поводом к ним могут быть и ритмичные всплески волн, и свадебная раскраска певчих птиц, и нежные лепестки только что распустившейся розы, а могут быть и самые обыденные вещи, предметы, пейзажи.

У многих людей мир фантастических представлений рождается при взгляде на драгоценные камни, таинственные, неодушевленные, но насыщенные чем-то неповторимо прекрасным.

Пунцовые отсветы кроваво-красного граната — пирропа, например, способны иногда бросить в жар, возбудить безудержную страсть, даже выявить мужество, силу, храбрость...

Иные эмоции вызывает аквамарин, камень цвета морской волны. В отблесках и искрах нежно-голубого камня угадываешь и утреннюю дымку весенних красок пробуждающейся природы, и дрожащую слезу первого радостного чувства любви.

Мир каменных грез многолик и разнообразен. Как в северных сполохах каждую секунду рождаются новые краски, так и в каменных ритмах нет однозначности. Каждый по-своему воспринимает тот новый мир ощущений, который дарит ему созерцание внутренней красоты минерала.

Один из лучших знатоков неживой природы — академик А. Е. Ферсман в своей книге по истории камня писал: «Я хочу, чтобы из этой книги писатель и поэт черпали новые образы, чтобы перед ними предстал мир сказки и фантазии, мир, раскрываемый лапидариями всех веков и всех народов; чтобы в сочетании фантастических образов, рожденных камнем, они нашли новые формы творческого восприятия окружающей природы».

В таинственный мир каменных грез, почерпнутых из старинных сказаний, уводит нас повесть А. И. Куприна «Суламифь». «Это кольцо со смарагдом ты носи постоянно, возлюбленная, потому что смарагд — любимый камень Соломона, царя израильского. Он зелен, чист, весел и нежен, как трава весенняя, и когда смотришь на него долго, светлеет сердце; если поглядеть на него с утра, то весь день будет для тебя легким. У тебя над ночным ложем я повешу смарагд, прекрасная моя, — пусть он отгоняет от тебя дурные сны, утишает биение сердца и отводит черные мысли. Кто носит смарагд, к тому не приближаются змеи и скорпионы». Эти слова Соломона впитали в себя весь комплекс мистики халдеев, арабов, евреев. С каждым камнем связывали они фантастические вымыслы о якобы нескрытых способностях минералов излечивать любые болезни людей.

Но есть и другие камни. В Москве на 27 этаже университета в витрине минералогического музея лежит чудо-камень. Такое даже не пригрезится! Внутри прозрачного кристалла горного хрусталя отчетливо вырисовывается объемный пейзаж. На дальнем плане выступают горы. Они поросли ельником. Такие горы действительно существуют на Полярном Урале, там, где родился раритет. Природа как бы сфотографировала сама себя.

А на ближнем плане этого объемного рисунка видима курная охотничья избушка. От нее тянется дорожка. Она уходит куда-то вдаль...

Если чуть прищуриться, начинает казаться, что из

избушки потянулся легкий дымок — кто-то затопил печь, чтобы спастись от обильного гнуса: комаров, мошки, слепней...

Но посмотрите на необычный каменный пейзаж глазами специалиста — и сразу пропадает очарование. Вместо созданной природой картины увидишь горный хрусталь, а внутри — травяно-зеленый минерал хлорит. И все. Никакой экзотики.

В Алмазном фонде СССР хранится полированная яшма, на которой природа изобразила космонавта в скафандре. Распластавшись в автономном полете, парит он над Землей в невесомости.

Любители каменной экзотики уверяют, что в полированных яшмах можно увидеть картины не только земных и далеких миров, но и образы живых существ, населяющих планеты удаленных галактик.

Фантасты есть и среди ученых. Но их грезы, мечты опираются на факты. Первым мне хочется назвать корифея отечественной геологии академика Александра Петровича Карпинского. В своих исследованиях он не был простым регистратором фактов. Творческий полет его мысли казался современникам научной фантастикой. Ему первому в мире удалось на основе непреложных научных фактов воссоздать черты географии прошлого. Сквозь дымку ушедших миллионолетий он восстановил черты древней географии Европейской России и Урала. Сказками прошлого звучали для современников его знаменитые трактаты, в которых он сообщал о том, как неоднократно проникало море на Русскую равнину. То, что многие считали безудержной фантазией, грезами великого ученого, в наши дни претворилось в месторождения нефти, угля, металлов. Все это на основе анализа географии прошлого было предсказано А. П. Карпинским.

Мечтатель, блестящий знаток камня академик Александр Евгеньевич Ферсман заглянул из современности не в прошлое, а в будущее. Судьба столкнула его с другим

мечтателем — Сергеем Мироновичем Кировым. Они сумели увидеть на месте болотистой тундры Кольского полуострова величественные контуры рудников, рабочих поселков, городов, научных центров. Основой для подобных прогнозов явились гигантские залежи фосфорного сырья — апатитов, необходимых для сельского хозяйства страны.

Эта книга для тех, кто умеет разглядеть в мертвом, холодном куске камня живые образы настоящего, прошлого, будущего. В ней собраны повести, новеллы, рассказы, главный герой которых — каменные грезы. Обращаются к этим мотивам и люди, не искушенные в геологии, и знатоки камня. Их объединяет поиск, устремление в непознанное, попытка осмыслить виденное...

Часть рассказов посвящена каменным коллекциям, хранящимся в музеях, в частных собраниях, в природных условиях. Каменные раритеты из этих собраний вызывают различные эмоции, нередко они переплетаются с миром сказаний, легенд, поэтических вымыслов и уводят нас в область прекрасного.

Музыка в камне

Мои движения автоматичны. Одной рукой включаю осветитель микроскопа. Другой — кладу шлиф на столик.

Микрометрическим винтом подправляю фокусировку. Вот сейчас подключу анализатор микроскопа — и начнется то, чему я посвятил многие бессонные ночи.

Иные устремляются в свободное от работы время на выставки произведений изобразительных искусств, в зрительные залы театров и клубов, в филармонию. А для меня высшее наслаждение наблюдать под микроскопом таинственный мир, который можно видеть в любом невзрачном камне. Стоит только вырезать из него тоненькую пластинку, положить ее на столик микроскопа — и тотчас словно сказочная палитра неведомого мастера вспыхивает перед глазами. Ни на одной художественной выставке не найдешь такого разнообразия красок. Их вызвал к жизни поляризованный свет. И каждый раз этот красочный мир против моей воли перебрасывает меня в иную сферу — сферу звуковой гармонии.

Максимиллиан, герой повести Генриха Гейне «Флорентийские ночи», слушая игру великого Паганини, испытывал зрительные галлюцинации. Музыкант чудесным образом превращался в мага, чародея, повелевающего стихиями. Мир вокруг него преображался в сказочные многоцветные картины.

Гейне не выдумывал. У многих людей, когда они слушают музыку, возникают зрительные ассоциации. У меня наоборот: красочные картины вызывают ассоциации звуковые.

Многие ученые, инженеры и художники в разные годы пытались уловить связь между цветом и звуком. Некото-

рые создавали на специальных экранах движущийся хаос красок во время исполнения симфоний.

Инженер К. Леонтьев показал в начале шестидесятых годов скрябинскую поэму огня «Прометей». С первыми же аккордами на экране вспыхивали багровые и красные цвета, а затем, повинаясь ритму музыки, экран несколько успокаивался, зрители видели набегающие волны изумрудно-зеленого цвета...

Рассказывая о законах сочетания цвета и звука, положенных в основу исполнения «Венгерской рапсодии» Листа, Леонтьев подчеркивал, что в напряженные, мощные моменты экран должен багроветь. Тема воли делает цветочные ощущения ослепительными. С повышением динамики звука цвет становится более насыщенным, с понижением — блеклым, тусклым, невзрачным.

Много книг посвящено цветомузыке, но, пожалуй, только И. Ефремову в «Туманности Андромеды» удалось передать впечатление, вызванное синтезом звука и цвета.

«Третья часть симфонии началась мерной поступью басовых нот, в такт которым загорались и гасли уходившие в бездну бесконечности и времени синие фонари. Прилив грозно ступающих басов усиливался, и ритм их учащался, переходя в отрывистую и зловещую мелодию. Синие огни казались цветами, гнувшимися на тоненьких стебельках. Печально никли они под наплывом низких гремящих и трубящих нот, угасая вдали. Но ряды огоньков или фонарей становились все чаще, их стебельки — толще. Вот две огненные полосы очертили идущую в безмерную черноту дорогу, и поплыли в необъятность вселенной золотистые звонкие голоса жизни, согревая прекрасным теплом угрюмое равнодушие двигающейся материи...»

Почему вспомнился именно этот отрывок? Дело в том, что вчера мне встретился шиф, в котором были фрагменты этой симфонии.

Недавно я получил для определения породу с длинным и кажущимся хитрым названием — пренитизирован-

ный долеритовый порфирит. Этот кусок камня большинство людей назвало бы просто булыжником.

Ну а в тончайшем прозрачном срезе — в шлифе — под микроскопом раскрылась симфония камня.

Как следы элементарных частиц, как треки на желатине, разбежались в шлифе индигово-синие пятнышки на густо-синих стрелах пренита. И невольно слышались басовые тона, загудели невидимые музыкальные инструменты. Рокот контрабасов покрывал все звуки... Он становился нестерпимым... Казалось, какая-то грозная непостижимая сила растекалась вокруг и заливала все видимое пространство... Не было сил перевести дыхание.

А в углу притаилась какая-то серая тень. Уловить контуры ее невозможно. За ней угадываются сочетания красочных, пока еще трудно различимых глазом цветов и пятен. Их связывают с общей мелодией чуть слышные звуки флейты... Да, да. Они слышны только при остановленном дыхании...

Легкий поворот столика микроскопа — и все изменилось. Пробежала по синим лучам лавандово-серая тень, преобразилась пейзаж. Яркий свет желтых вееров ударил в глаза. Усилились и зазвенели флейты. Лишь кое-где им вторила виолончель на бархатных басовых нотах. Это остатки индигово-синих цветов и оттенков местами врываются в панораму, напоминая о только что перенесенном потрясении...

Можно часами сидеть перед микроскопом и незначительным поворотом столика «вызывать» грозные синие волны цвета и звука. Краски, порой бьющие в глаза, порой нежные, светлые, создают восхитительный танец огненных и синих стрел.

Нет. Довольно. Надо взять что-то иное для перемены впечатлений. Но что? Быть может, вот этот шлиф цирконовой породы? Разбитый причудливыми трещинами, сложным узором линий, он чем-то напоминает витражи в древних храмах. Они запомнились мне при осмотре готи-

ческих церквей в Брюсселе. Стрельчатые окна храмов там заполнены таким же непонятным рисунком.

Каждое пятно этого шлифа «написано» в своей цветовой тональности. Здесь можно видеть сиренево-фиолетовые, нежные темно-розовые, густо-голубые пятна, исчерченные неповторимой в каждом куске ретушью, создающей сказочно странный пейзаж.

Ну и, конечно, каждому цвету, каждому сочетанию красок соответствуют свои аккорды.

Чем больше всматриваешься в пятна этой цветовой мозаики, тем сильнее всплывают мощные движения фугированных отрывков музыкальных звучаний. словно сам Иоганн Себастьян Бах на неведомом органе природы создавал эти повторяющиеся в разных голосах, бегущие друг за другом мелодии.

А вот вспыхивает в объективе микроскопа новый шлиф. Из глубин памяти выступают полузабытые слова. Вспоминаю, что об этом я где-то читал.

Ну конечно, это Стендаль. Его «Письма о прославленном композиторе Гайдне». Это же рассказ об оратории «Сотворение мира». Косые срезы кристаллов циркона напомнили мне и витражи, и бессмертное произведение Гайдна.

«Сотворение мира» начинается увертюрой, изображающей хаос,— писал Стендаль.— Слух ваш поражен каким-то глухим и неясным шумом — звуками, лишенными всякой мелодичности и словно нечленимыми; вы различаете затем отдельные отрывки, построенные на приятных мотивах, но они еще недостаточно отделаны, и им по-прежнему не хватает каденции; вслед за этим возникают образы с еле очерченными контурами — одни из них суровы, другие нежны; все переплетаются, отрадное и резкое на слух следует друг за другом по воле случайности; великое граничит с ничтожным, мрачное сливается с веселым. Самое необычное сочетание различных музыкальных форм — трелей, *volante*, *mordente*, синкоп и дис-

сонансов — прекрасно передает, по общему мнению, картину хаоса».

И все это само собой вызвано к жизни сочетанием красок. Розовый цвет соседствует с лиловым и синим. А зеленое и ярко-оранжевое граничит с черной бездонной пустотой...

Конечно, было бы наивно думать, что все геологи, занимаясь изучением шлифов в поляризованном свете, только и думают о том, как сочетать цвет и звук. Нет. Перед геологами стоят более прозаические задачи — определение пород и минералов под микроскопом.

Представим себе существо, обладающее способностью видеть поляризованный свет. Попробуем, обладая таким зрением, посмотреть на Урал на широте Свердловска.

На окраине города, близ шарташского озера, высятся гранитные каменные палатки. Из такого же гранита, взятого в шарташских каменоломнях, изготовлена облицовка некоторых зданий города — горсовета, политехнического института и других. Несмотря на монументальность зданий, серый гранит придает их облику какую-то сумеречность.

Существо же с особым, поляризационным, зрением не заметило бы этого. Взору его открылась бы дивная, даже сказочная картина. Каждое зерно шарташской каменной громады расцветилось бы яркими, сочными красками. Запели бы своими красочными голосами и всеми нюансами даже сверхмикроскопические кусочки, слагающие гранит. Светло-желтые пятна ортоклаза чередовались бы с прозрачными зернами кварца. И над всем этим властвовали бы зеленые и коричневые розетки, полосы и пятна слюды, сочные зеленые тона вкраплений роговой обманки.

Если перевести все увиденное в гранитах на язык красочных ощущений, то светло-желтые и особенно разнообразные зеленые тона создадут настроение радости,

покоя, надежд... В тон этим впечатлениям зазвучат музыкальные всплески ласкающих слух, набегающих издали мелодичных, многократно повторяющихся аккордов.

Кто же видит и воспринимает все это? Ведь внешне камни выглядят невзрачно и буднично. Почему же от нашего взора скрыт этот праздник цвета и музыки?

А микрополяризационный пейзаж к западу от Свердловска по разрезу горы Волчихи я сравнил бы с буйным вихрем Дантова ада, выраженным музыкальными фразами из «Франческо да Римини» Чайковского.

В предисловии к рукописной партитуре этой симфонической поэмы П. И. Чайковский писал: «Данте, сопровождаемый тенью Вергилия, опускается во вторую область адской бездны. Воздух здесь оглашен стенаниями, воплями и криками отчаяния. Среди могильного мрака рвется и мечется буря. Адский вихрь неистово мчится, унося в своем диком кружении души людей, разум коих помрачила в жизни любовная страсть... И над всем этим властвует голос судьбы: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Суровые скалы горы Волчихи внешне не вызывают ярких эмоций. Но в шлифах отчетливо видны сочетания самых разнообразных красок. И опять — для чего все это?

Можно дать бесконечную цепь подобных описаний горных пород любой части света. И каждый раз, перебирая их в сознании, я вновь и вновь задаю все тот же вопрос: а видит ли кто эту «неземную» красоту нашей Земли?

Быть может, какие-либо иноземные существа — планетолетки, обладающие этим сверхзрением, попав на нашу планету, увидели бы красочные пейзажи горных пород Земли?

Вряд ли возможны прямые сопоставления звука и цвета: звука, якобы застывшего в камне. Это все-таки очень субъективная ассоциация.

Принимать все эти гаммы без объяснения, как выражение антицелесообразности, бессмысленности, только лишь слепой случайности, тоже нерезонно.

Невольно возникает мысль, что явления цветовой гармонии относятся к области еще не вскрытых наукой законов и тайн природы. Конечно, при этом напрашиваются самые невероятные объяснения. Не служат ли все эти яркие краски своеобразными ориентирами тем, кто (или что) может беспрепятственно проникать через горные породы?

Всю Землю пронизывают сейсмические волны. Не им ли нужны ориентиры? Вряд ли. Для них важнее плотность пород.

Идут сквозь Землю нейтрино. О поведении этой элементарной частички мы вообще мало что знаем. И что для нее горные породы, если через всю толщу Земли она проходит как через пустоту. Не связана ли раскраска пород с прохождением через нашу планету электромагнитных волн?

Мне не раз приходилось видеть в полярных зонах красочную музыку северных сполохов. Слова почти бессильны для передачи тех впечатлений, которые возникают, когда видишь полярные сияния.

Вот что пишет об этом знаменитый исследователь Севера Фритьоф Хансен: «Нет ничего изумительнее, ничего прекраснее полярной ночи! Сказочная картина, разрисованная красками нежнейших оттенков, какие только может придумать воображение. Это как бы расцвеченный эфир, от легкого колебания один пейзаж переходит в другой, и не знаешь, где, собственно, начинается один тон и кончается другой, и, однако, все они существуют, все многообразие налицо. Твердых очертаний нет, все меркнет, переливается тихой, дремлющей музыкой красок, далекой бесконечной мелодией невидимых струн.

...Чувствуется опытный мастер, в совершенстве владеющий своим инструментом. То он как будто лишь шутя трогает струны, то одним ударом смычка легко и изящно переходит от наивысшего проявления страсти к тихой, будничной лирике, чтобы вслед за тем несколькими смелыми взмахами снова подняться до пафоса...»

Но ведь эта картина до деталей напоминает симфонию камня!

Несомненно, связать многоцветную игру полярных сияний со столь же яркой игрой каменных громад можно пока только в плане научной фантастики.

Не пифагорова ли музыка сфер, не звуки ли Космоса, передаваемые электромагнитными колебаниями, отразились и застыли в мертвых камнях?

В мертвых ли?

Камни живут. Они живут сложной, многообразной и многоликой жизнью. Наш век — это эпоха открытий. Кто знает, может быть, именно изучение законов электромагнитной жизни Галактики и Солнца позволит глубже познать законы происхождения горных пород?

Конечно, видимая целесообразность живой природы — это только выражение приспособленности организма к условиям среды, следы тончайшего естественного отбора. Отсюда чудесная красота осенних лесов, жаркие краски южного лета, великолепная свадебная одежда павлина. Нет ли в жизни камня подобных законов? Быть может, красочная музыка шлифов станет ориентиром для нового Дарвина?

А может быть, есть в природе животные, способные воспринимать эту чудесную гамму красок? Нет ли среди жителей нашей планеты существ, обладающих способностью видеть поляризованный, люминесцентный, инфракрасный свет? Не для них ли природа расцветила мир?

Впрочем, как бы там ни было, а геологи уже научились по-своему читать эту музыку камня.

И все же волны таинственных огнецветов повсюду преследуют поклонников камня. Необычное свечение минералов вызывают и катодный, и ультрафиолетовый, и рентгеновский лучи. В мире «мертвого» камня загораются и светят наиболее ярко те минералы, которые, попав в зону ультрафиолетового света, рассказывают о мельчайших примесях урана или марганца, включенных в состав

породы. Станным, «неземным», цветом вспыхивают и многие другие минералы, не содержащие никаких примесей.

Целый день я провел в лаборатории, где наблюдал люминесцентное свечение минералов. Обычный бесцветный кальцит расцветивался чудесным образом под влиянием различных источников света. Катодные лучи делали кристалл рубиново-красным, в ультрафиолете он загорался малиново-красными тонами. Два минерала — флюорит и циркон — не различались в рентгеновских лучах. Оба были зелеными. Но стоило подключить катодный свет, как флюорит становился фиолетовым, а циркон лимонно-желтым.

В глазах рябило. Надо было как-то отвлечься. Дома меня ожидала интересная книга сказок разных народностей. В ней-то я и нашел любопытное сказание индейцев Северной Америки о сотворении мира могущественным духом Виской. Мир этот вначале был совершенно прозрачным, и великий дух Виска любовался разноцветными камнями, видимыми на дне первичного океана.

Но однажды Виска заметил кражу. Его враг — великий завистник Бобр — нырял на дно океана и забирал себе самые красивые камни. Рассердился великий дух. Он призвал к себе своего верного помощника Серую Мышь, приказал ей опуститься на дно и принести оттуда немного ила. Мышь выполнила просьбу повелителя. Из этого ила сделал Виска острова в океане. Разрослись они, скрыли под собой большую часть поверхности Земли, замутили воду океана, и исчезли с глаз завистника красивые камни. С тех пор Бобр уже не мог таскать их в свою нору.

А что если бы на самом деле мы, как бог Виска, могли посмотреть на мир всепроникающим взглядом? Что было бы, если бы Землю окутывала темная атмосфера, не пропускающая лучи видимой части спектра? О таком фантастическом предположении говорит профессор М. А. Кон-

стантинова-Шлезингер во введении к монографии «Люминесцентный анализ».

«Дадим на мгновение волю фантазии,— пишет она,— и представим себе, что к атмосфере, окружающей Землю, примешан «черный газ», пропускающий только ультрафиолетовые лучи.

Нашему глазу при этом открылась бы удивительная картина. В вечном мраке мы видели бы у людей только ослепительно белые зубы и сине-голубые ногти. Черная земля оказалась бы содержащей яркие включения минералов — красного кальцита, желтого ортоклаза... Разлитая по земле нефть напоминала бы лужу грязного молока, а содержащиеся в ней минеральные масла были бы густосиними и голубыми».

Этими свойствами люминесцентного свечения пользуются декораторы для усиления эффектов восприятия цвета.

В турецких сказках часто упоминается мифический камень — сабур. Он желтый. Сабур-камень впитывает в себя все человеческое горе. А когда переполнится горем — трескается. Желтый цвет в Сирии символизирует смерть. В Индии же с этим цветом связаны солнечные радости жизни.

У бразильцев выражение «все голубое» означает «только хорошее». Голубой цвет популярен в Голландии, Египте, Франции. Индейцы связывают с голубым цветом все правдивое, а с красным — жизнь, веселье, энтузиазм.

Разумеется, не все здесь верно, но какая-то зависимость между цветом, настроением и, я бы сказал, характером, несомненно, существует.

На одной из популярных лекций я слышал, как лектор — известный физик — для иллюстрации стопроцентной глупости сказал: «Это все равно что спрашивать, какой цвет имеет характер».

Как известно, характер — совокупность определенных психических свойств человека — вырабатывается под воз-

действием окружающей его среды. Поступки и действия человека определяются условиями его жизненного пути. Но какими? Психологам известен классический случай «выработки» массового количества драчунов и забияк на фабрике братьев Люмьер во Франции, где фотографические пластинки изготавливались при красном свете. Изменили процесс. Изъяли красный свет. И люмьеровцы из забияк превратились в спокойных, уравновешенных людей.

О субъективности восприятия цвета камней говорит лучший знаток камня А. Е. Ферсман. Он называет самоцветы, связывая с ними определенную зависимость (правда, условную) между психологическим и физиологическим влиянием цвета и субъективным его восприятием.

Желтый цвет (например, цвет берилла) — возбуждающий, оживляющий, теплый, бодрый, веселый, светливый, кокетливый, несколько дерзкий. Это цвет веселья и шуток, символ солнечного света, тепла, счастья.

Оранжевый (цвет янтаря) — возбуждающий, жаркий, бодрый, веселый, пламенный, жизнерадостный, шумный, кричащий, неинтимный.

Красный (рубин, сердолик) — возбуждающий, горячий, самый активный и энергичный, экспансивный, мужественный, страстный, кричащий; цвет доблести, силы, мощи, храбрости; огонь, пламя, жар.

Зеленый (изумруд, нефрит) — спокойный, умеренный и освежающий, создает впечатление мягкого, приятного и благотворного покоя. Символ весны, плодородия, юности, свежести, жизни, радости, надежды, воспоминания...

Конечно, сочетанием звука и цвета не ограничиваются эмоции, вызываемые горными породами и минералами.

В лучших собраниях минералов, сосредоточенных в музеях, мы черпаем материалы, уводящие нас в мир научных исследований, а также гипотез, легенд и любопытных сказаний. О них наш дальнейший рассказ.

В мире нетленной красоты

Еще пока не составлен реестр «семи чудес» уральского края. Несомненно лишь одно: когда будут перечислять главнейшие диковинки Урала, то одно из первых мест среди них займет геологический музей в Свердловске.

Писатель Павел Петрович Бажов, создавший неповторимый цикл сказов о Медной горы Хозяйке, частенько бывал в этом музее. Не исключено, что именно здесь, в красоте уральского камня, он черпал сюжеты для своих сказов о тайнах малахитовых рисунков.

Однажды (было это 18 февраля 1945 года) П. П. Бажов привел в музей группу своих коллег — уральских писателей. Что он им рассказывал о сокровищах уральских недр — история не сохранила. Но в книге почетных посетителей осталась запись об этом посещении. Вот она: «Даже нам, давно живущим на Урале, надо бывать в этом музее Уральских гор как можно чаще, и каждый раз он поразит вас новой гранью».

Безусловно, будущие исследователи творчества уральского писателя наметят связи текста его сказов с оригинальными произведениями уральских горщиков. Вот, например, такая связь четко вырисовывается из части текста сказа «Хрупкая веточка» с одним из экспонатов музея. На малахитовой округлой подставке приклеена трехгранная пирамидка, на каждой грани которой можно видеть искусно выделанные уральские ягоды: малину, красную смородину, обрамленные зелеными веточками.

Глядя на это произведение камнерезного искусства, Бажов писал: «Мода, видишь, была из камней ягоды делать. Виноград там, смородину, малину и протча. И на

все установ имелся. Черну, скажем, смородину из агату делали, белую — из дурмашков, клубнику — из сургучной яшмы, ежевику — из мелких шерловых шариков клеили. Одним словом, всякой ягоде свой камень. Для корешков да листочков тоже свой порядок был: кое из малахита либо из орлеца и там еще из какого-нибудь камня».

А дальше началась безудержная фантазия: грезы, навеянные камнем. Герой сказа «Хрупкая веточка» молодой мастер-гранильщик Митюха обдумывал: «Из какого бы вовсе дешевого здешнего камня такую же поделку гнать?» И вдруг на стол мастеру чья-то рука положила именно те камни, которые требовались мастеру! Подсказ Хозяйки помог мастеру овладеть тайной изготовления каменных шедевров.

Сокровища уральских недр, сосредоточенные в музее, собирались не сразу. Основу коллекции (около 12 тысяч образцов) составили каменные раритеты, собранные династией любителей камня — отцом и сыном Калугиными. Представители этой династии держали в руках в старом Екатеринбурге торговлю коллекционными камнями. В их магазинах сосредоточивались не только отдельные образцы, но и изделия гранильной кустарной промышленности: шкатулки из малахита, родонита и яшмы, вставки в кольца, браслеты, диадемы, а также крупные малахитовые вазы, столешницы и многие другие изделия. Все это было сразу после Октябрьской революции скуплено первым ректором горного института профессором К. К. Матвеевым. Сюда же были добавлены некоторые национализированные изделия из камня.

Когда в 1936 году встал вопрос об организации выставки-музея для показа уральских сокровищ, открытие которой предполагалось приурочить к началу XVII Международного геологического конгресса в 1937 году, стало очевидным, что основа для музея имеется. В специально выстроенное для музея здание было доставлено еще около 13 тысяч лучших образцов со всего Урала. Это

были главным образом куски пород с различных месторождений полезных ископаемых. Железные и медные руды, нерудоминеральное сырье — все, что характеризовало горную промышленность Урала.

Должен сказать, что не все посетители музея умеют видеть выставленные камни. Однажды мне позвонили по телефону.

— Вот вы,— говорил незнакомец,— пишете в своих книжках о красоте уральского камня, о несметных богатствах, сосредоточенных в музее. По вашим данным, там что ни образец, то сказка. Зашел я в музей, в наш Уральский геологический,— продолжал незнакомец,— походил около витрин. Я не геолог. А там многие этикетки написаны не по-русски. Да и русское написание звучит тарабарщиной. Что я понимаю в таких словах: аммонит, белемнит, габбро, перидотиты... А вы говорите — красота! «Немеркнувшие образы»! Сказка!

Не буду передавать всю речь неизвестного. Он так и не дал мне вставить в нее ни одного слова. Скажу лишь, что критика говорившего была в какой-то мере справедлива.

После Международного геологического конгресса, после экскурсии к нам геологов из пятидесяти стран мира музей передали в ведение Свердловского горного института. Преподаватели этого учебного заведения решили, что музей надо подчинить учебному процессу.

В то же время слово «музей» обязывало ко многому. Экспозиции его открыли для народа, но не позаботились об этикетках. Вот и получается: идет посетитель, далекий от геологии и особенно от палеонтологии. В витринах он видит классические коллекции какого-либо специалиста. А в них — латинские названия... Проходит посетитель мимо, ничего не понимая. До грез ли тут!

Лишь на втором этаже сосредоточились «оазисы» красивых уральских камней. Это один из самых впечатляющих уголков музея. Каждый видит без пояснений красоту

камня. Недаром здесь всегда можно встретить писателей, художников, артистов. Этой категории посетителей не нужно цифр и статистических данных. Их интересует экскурс в область легенд, преданий, сказов. Они просят раскрыть им не только внешнюю, но и внутреннюю красоту камня.

Особенно настойчиво расспрашивала меня французская писательница Мартина Моно — автор известной книги «Нормандия — Неман». Она приехала на Урал собирать материал для тысячного номера газеты французских коммунистов «Юманите». Мартина Моно требовала от меня ответа на вопрос об авторах этих легенд.

Вот здесь я встал в тупик. Кто знает этих авторов! Может быть, усталому путнику нашептывает легенды легкий ветерок. А скорее всего, он слышит эти легенды и видит неясные образы в журчании ручейка, дающего и влагу, и прохладу... Нет способа точно ответить на такой вопрос.

Много-много лет назад, гласит легенда, здесь, на Урале, началась обычная история любви двух сердец. На каждом отрезке их жизненного пути судьба ставила им преграды. В легенде подробно говорится и о лихих помощниках барина-заводчика, и о старосте — первом пособнике лютого богача... Однажды застал молодую пару сам барин. Приказал он своим помощникам схватить ослушников. Но воспротивилась земля. На глазах изумленных людей превратились в камень и парень и девушка. Глубоко в землю ушли двое любящих друг друга людей. Рассказывают, что река изредка вымывает кусочки камня, в которых можно видеть золотистые волосы красавицы девушки...

Мы подошли с Мартиной Моно к витрине лучшего в мире собрания камней, носящих название «Волосы Венеры».

На двух стендах расставлены здесь идеально прозрачные, голубовато-зеленые, золотисто-желтые, пепельно-серые разнообразной формы и размеров кристаллы, внутри которых спрятан странный, неповторимый узор свер-

кающих пучков нитей или игл различных очертаний, цветов и оттенков.

Можно часами смотреть на прозрачный уральский камень, внутри которого видны пучки тонких параллельных нитей. Когда камень был в «моде», из него изготавливали вставки в перстни, броши, заколки; особенно ценились печатки из волосатика.

Я много видел изделий из этого камня, но, пожалуй, лучше всего он выглядит чуть-чуть приполированным.

Обычно волосатик встречается на бечевниках, вблизи русел многих среднеуральских рек. Часто его находят в окрестностях Невьянска. Во время половодья, когда маленький ручеек становится грозным потоком, кристалл одевается в своеобразную «рубашку» — от столкновений с другими камнями становится непрозрачным, матовым, скрывая этим свой внутренний рисунок.

Есть у меня приполированный прозрачный горный хрусталь, у которого сохранилась первичная кремневая рубашка. Если слегка поворачивать полированный с поверхности камень, то кажется, что заглядываешь в его «душу». Как будто перед тобой лежит глыба прозрачного льда, пронизанного пучками расходящихся веером, сверкающих золотом огненных струй; снизу эта глыба подернулась пленкой легкой илистой мути, и кажется, что смотришь на морское дно.

А вот другой образец. Его называют моховиком. Это тоже волосатик, но пророс он не иглами окиси титана (рутила), как «Волосы Венеры», а моховидными, ветвистыми вrostками минерала хлорита, зеленовато-серыми, даже синеватыми.

По одной из легенд, Медной горы Хозяйка дарила своим любимцам различные драгоценные камни.

Не так давно, добавляет легенда, одному из удачливых был подан из-под земли знак. Шел этот счастливчик как-то по Свердловску, притомился. Присел около одного из домов на тумбу. Отдохнул. Взглянул на тумбу повни-

мательнее. И ахнул! Оказывается, тумба превратилась в большой кристалл горного хрусталя, пронизанного огненными нитями рутила.

Даже моя спутница из Франции не выдержала:

— Нельзя же так безбожно говорить неправду.

В ответ я подвел мою спутницу к большому кристаллу горного хрусталя, внутри которого действительно просматривались огненные нити.

— Вот она, эта тумба. Счастливчик доставил ее в музей.

Некоторое время спустя я рассказал эту легенду сотрудникам Свердловского телевидения. Прошло несколько дней, и они «овеществовали» легенду, передав ее средствами телевидения.

— Это просто,— говорили мои друзья,— должны слаженно работать две телекамеры. С одной — проецируется на экран танцующая пара (влюбленных, как положено по легенде); с другой телекамеры наплывом дается монолитная глыба хрусталя. Изображение камня как бы наплывает на застывшую в экстазе танцующую пару. И на экране создается тот мир каменных грез, который рожден легендой. Переданные крупным планом распущенные волосы красавицы эффектно выглядят внутри кристалла. А потом в передачу был вмонтирован настоящий кристалл «Волос Венеры».

Привлекают в музее экспозиции зеленого уникама природы — малахита.

Трудно определить, какой из раритетов восхищает больше всего. Пожалуй, самыми красивыми являются вазы.

— Нет,— говорят другие,— нам понравились малахитовые столы.

— А нам — шкатулки...

— Не согласен,— заявил один из посетителей.— Впечатляют глыбы необработанного малахита...

Сколько людей, столько и мнений.

Малахит часто называют камнем волшебных грез, связанных с многоликостью камня.

Нет ничего в мире разнообразнее и красивее малахита! Камень неповторим в каждом куске. Разнообразием рисунка он завоевал всемирную славу.

Чаще всего куски минерала встречаются в виде округлых почек, различной толщины корок, а иногда — сталактитов. Первичная поверхность таких малахитовых глыбок, как правило, неровная. Иногда она бывает туберозовидной. (Тубероза — травянистое растение, махровые цветки которого собраны в колосовидные кисти; нечто подобное встречается и на поверхности малахита.)

Другой вид имеют приполированные поверхности этого минерала. Чаще всего на таких поверхностях можно видеть причудливо изогнутые тоненькие прослойки из различно окрашенных полос. Цвет их от ярко-зеленых до темно- и черно-зеленых оттенков. Иногда в такой массе встречаются полоски голубого и густо-синего цвета. Это азурит, родной брат малахита, минерал с близким ему химическим составом.

Сорта малахита различают и по блеску. Самым лучшим для поделок считается тот камень, который имеет стеклянный или алмазный блеск. Хуже для работы куски с шелковистым и бархатным блеском. Их труднее полировать. Иногда в массе малахита можно видеть волокнистые включения. Они также имеют шелковистый и бархатный блеск.

До революции существовала особая специальность, ныне полностью ликвидированная, — «зазывала». Работали люди этой профессии с процентов, от количества купивших в магазине товар. Они толпились перед магазинами, хватали за руки и за полы прохожих, уговаривая их если не купить, то хоть зайти в магазин посмотреть товары, примерить, не больше...

— Только для красавиц! — так кричали на рынках Екатеринбурга зазывалы, приглашая покупателей в мага-

зины, торгующие каменным товаром. Отважившимся зайти приказчики предлагали товар первого сорта — набор драгоценностей из малахита. Было несколько таких наборов: большие и малые. В малый набор входили перстни, серьги, ожерелья, кулоны, заколки для шляп, браслеты-затукавья, а также пудреницы и табакерки.

Я видел в одной из частных коллекций такой набор. В нем особенно поражал изяществом и вкусом перстень, в котором искусно сочетались золото и малахит. Только тут, рассматривая перстень, я понял, что не каждый кусок малахита пригоден для ношения в кольце. Вставка должна быть обязательно вырезана из малахитовой почки. В перстне из набора небольшая почка светлого малахита обрамлялась темным бордюром необычайно извилистого (свилеватого) микрослоистого камня. Так иногда выглядят срезы карельской березы. Малахит имел небольшие размеры — чуть более одного сантиметра по длинной оси овала. Обточен он был кабошоном — полуovalом. Такой способ обточки полудрагоценных камней применяется в тех случаях, когда нужно выявить игру, перелив непрозрачной его поверхности. Даже при небольшом повороте камень становится как бы совершенно иным. Лучшее обрамление к малахиту получается из золота. Этот перстень замечателен тем, что золотое обрамление, примыкающее к малахиту, выполнено из ажурного металла, как бы повторяющего свилеватость камня.

Некрупные почечки из свилеватого малахита шли также для изготовления вставок к сережкам. Малахит в серьгах должен быть невесомым, чтобы не повредить мочки ушей красавиц. Поэтому камень вставок к сережкам нарезали в виде тончайших пластиночек. Золотое обрамление к ним делалось также из ажурного металла. Оно как бы подчеркивало «невесомость» изделия.

А вот заколки для шляп должны были иметь относительно большой вес. Изготавливались они из стальных спиц, похожих на вязальные. К ним приделывалась дер-

жавка с включенным в нее целым малахитом. Для булавок шли также полированные почки.

Для вечерних приемов к туалетному набору полагалась диадема (ее уральцы называли наголовником). Диадемы делали в виде металлических налобных повязок, напоминающих корону французских королей. В металл (золото) мастера искусно вплетали малахитовые пластинки. Иногда малахит в диадеме сочетался с малиновыми шерлами — типично уральскими самоцветами.

В сказе П. Бажова «Малахитовая шкатулка» есть интересный эпизод, связанный с покупкой такого набора. Жадная жена управляющего, купив малахитовый набор, стала примерять его. «Подбежала к зеркалу и первым делом наголовник пристроила. — Ой, ой, что такое! — Терпенья нет — крутит и дерет волосы-то. Еле выпростала. А неймется. Серьги надела — чуть мочки не разорвало. Палец в перстень сунула — заковало, еле с мылом стащила. Муж посмеивается: не таким, видно, носить!» Точно так же не могла носить эти украшения мать Танюшки (из того же сказа). От малахитовых украшений «у нее пальцы затекали, уши болели, шея не могла согреться». Лишь Танюшке хорошо пристали эти украшения. Она говорила, что «тепло от него, будто на пригревинке сидишь, да еще кто тебя мягким гладит».

Обязательным в малахитовом наборе были ожерелья. Их полагалось к набору два — короткое и длинное. В короткое входил набор из 60—70 бусинок. Их подбирали по размерам: от самых маленьких, 5—6 миллиметров в диаметре, до крупных — 10—12. Такое ожерелье имело вдвоенную длину всего лишь 25—27 сантиметров. Длинная нитка делалась в два-три раза больше. Крупные бусинки в ней достигали 15—17 миллиметров в диаметре. Изготавливались такие бусы вручную. Поэтому не все они имели идеально округлую форму.

Ожерелья из малахита нравились не всем. Камень ожерелий холодил. Чаще в наборе ожерелья заменялись

кулонами — полированными глыбками малахита самой разнообразной формы. Подвешивались они на тоненькой золотой цепочке. Иногда кулон заменялся брошкой. Для ее изготовления отбирались лучшие сорта малахита. Мастер стремился к тому, чтобы на брошке просматривался (или домысливался) какой-нибудь рисунок.

Иногда в малом наборе встречались браслеты, или, как их называли в Екатеринбурге, зарукавья. Они имели различную форму. Чаще всего (в малых наборах) они состояли из полированных пластиночек, скрепленных подвижной золотой оправой. Но самыми дорогими были зарукавья, выточенные из цельного куска малахита. Об этих зарукавьях сохранились легенды.

Мастером признали Данилу (в сказе П. Бажова «Каменный цветок») лишь после того, как он выточил из цельного монолита зарукавье в форме змейки. Сама Хозяйка Медной горы носила зарукавье в форме ящерицы. Такие браслеты изготавливали мастера, работающие у нее в горе.

Пудреницы и табакерки, входящие в набор для красавиц, имели латунную коробочку различной формы. На поверхность такой основы наклеивались тоненькие пластиночки полированного малахита. Первые малахитовые мозаики зарождались именно при работе над этого типа изделиями.

Купившим такой дорогой товар приказчики в качестве подарка предлагали пасхальные яйца, сделанные также из полированного малахита. Лучшая в мире коллекция пасхальных яиц была подобрана в начале нашего века уральским камнерезом А. Д. Денисовым-Уральским. Часть ее находится сейчас в музее кафедры минералогии Пермского государственного университета. Большинство яиц коллекции выполнено из яшмы. Но есть и малахитовые. Их или вытачивали из целого куска, или изготавливали из малахитовой крошки, густо замешенной на клею. Из такой тестоподобной массы яйца катались легко. После просуш-

ки их либо обклеивали пластиночками настоящего малахита и заполировывали швы, либо дорисовывали. Так зарождалось искусство дорисовки малахита.

Большой набор для красавиц включал кроме перечисленных украшений зеркало, обрамленное малахитом, шкатулку для драгоценностей, декоративные вазочки, подсвечники. Все эти предметы хранились в будуарах, составляя главную часть украшений интимных комнат.

Представьте себе одну из красавиц, купившую такой туалетный набор. Перед ней в будуаре на специальном столике стоит большое зеркало в массивной малахитовой раме. Рядом — справа и слева от него — расположились столь же массивные подсвечники.

Зеленый цвет обрамления настраивает на мечты юности о суженом. Мерцающий свет свечей придает грезам призрачность, нереальность... Из малахитовой шкатулки достаются заветные украшения — серьги, бусы, зарукавки, перстни, диадема...

Но оставим грезы красавиц. Должен сказать, что изделия из малахита многим навевают разнообразные, порой фантастические мысли.

Завораживают, чаруют, покоряют своей красотой бесмертные произведения, сотворенные русскими мастерами из полированного малахита. Главное их средоточие — бывшая столица страны Санкт-Петербург.

Навсегда остаются в памяти сочетания зеленых тонов малахита с позолоченной бронзой окантовки и малиново-пурпурным шелком старинной мебели Малахитового зала Эрмитажа... Колонны и пилястры, каминные вазы, столы и различные чаши, шкатулки... И вне этого зала — гигантская ваза из малахита (ее высота 184 сантиметра, диаметр 183, выполнена в 1843 году на Екатеринбургской гранильной фабрике; на изготовление ушло более 18 пудов малахита), шкатулки, табакерки, чернильные приборы и знаменитая Ротонда — малахитовый храм из восьми небольших колонн, обрамленных деталями из золоченой чекан-

ной бронзы. Она сделана по заказу одного из Демидовых и в 1836 году преподнесена им Николаю I.

Другой пункт крупного средоточения малахитовых сокровищ — Исаакиевский собор. В нем поражает убранство стен алтаря. Наряду с другими цветными камнями здесь особенно впечатляют восемь гигантских малахитовых колонн и две пилястры. Высота каждой более 10 метров, ширина — более полуметра.

В богатых домах столицы и в провинции было принято иметь украшения из малахита. Обычными в роскошных особняках считались каминь, отделанные этим чудо-камнем. Вот особняк на Литейном проспекте в Ленинграде. Сейчас в нем располагается штаб пропаганды — Ленинградское отделение общества «Знание». В просторном кабинете председателя все любят малахитовый каминь. Такой же камин демонстрируется в исконной вотчине Демидовых — городе Нижнем Тагиле. Сейчас эта драгоценность хранится в краеведческом музее.

Имеются произведения из малахита и в других городах нашей страны, в том числе в Свердловске. Не ошибусь, если скажу, что в каждом краеведческом музее СССР есть какие-либо изделия из малахита: шкатулки, столешницы, вазы, табакерки, чернильницы, ожерелья и прочее.

А сколько уральского малахита ушло за рубеж?

В одном из лучших музеев Италии, во дворце Питти (Флоренция), наравне с бессмертными произведениями художников эпохи Возрождения хранится гигантский малахитовый стол, изготовленный в XVIII веке уральскими мастерами. В Ватикане можно видеть малахитовые вазы и глыбу малахита — подарки «князя Сан-Донато» — Демидова. В Париже хранятся канделябр, ваза и стол, подаренные Александром I Наполеону. Огромную чашу из малахита передал Николай I Фридриху Вильгельму (она находится в Берлинском музее). Великолепные вазы из малахита, изготовленные на Екатеринбургской гранильной фаб-

рике, были подарены Министерством финансов Ротшильду и персидскому шаху...

Поток «зеленого золота» хлынул в XIX веке из окрестностей Нижнего Тагила. Точного учета добытого здесь малахита не производилось. Академик А. Е. Ферсман сообщает, что в среднем, начиная с 1814 года, здесь извлекалось от двух до пяти тысяч пудов камня в год. Отдельные глыбы, добытые в то время, были действительно уникальны. Одна из них (находка 1835 г.) весила около 25 тонн. Другая — 83 тонны! По подсчетам специалистов, малахит этих двух глыб может покрыть в распиленном виде площадь в 15 440 квадратных аршин¹. Почти весь камень из этих глыб ушел на украшение Исаакиевского собора и Малахитового зала Эрмитажа.

По самым скромным подсчетам, в прошлом столетии из Меднорудянского месторождения было извлечено от пяти до семи тысяч тонн малахита.

Как дорогая реликвия хранится в Нижнем Тагиле одна из глыб бесценного камня. Вес ее 300 килограммов.

До открытия Меднорудянского месторождения малахит в XVIII веке поступал в весьма ограниченных количествах из Гумешевского рудника (к югу от Екатеринбурга), принадлежавшего Турчанинову. Самая крупная глыба весом 1504 килограмма (94 пуда стоимостью сто тысяч рублей ассигнациями) была подарена Турчаниновым в 1789 году Екатерине II. Сейчас эта глыба находится в музее Ленинградского горного института.

Количество добытого в Гумешевском руднике малахита было настолько мало, что не шло ни в какое сравнение с тем, что стало поступать на рынок в XIX веке. Поэтому в XVIII столетии зеленый минерал шел только на мелкие поделки (броши, табакерки) и очень редко — на шкатулки.

¹ Аршин — старая русская мера длины, равная 0,71 метра.

В числе остальных уральских месторождений можно упомянуть небольшое скопление малахита в Кыштымском руднике. Здесь камень был выбран также в XVIII веке. Отсюда, по мнению А. Е. Ферсмана, были взяты две глыбы, хранящиеся сейчас в Кыштымском музее.

Немало малахитовых изделий рассредоточено по церквям России. Много малахита подарили церкви Демидовы. Особенно в те храмы, которые посещала не только самая верхушка знати, но и члены царствующей фамилии.

Самый роскошный дар, как уже говорилось, был сделан Исаакиевскому собору в Петербурге. В церквях победнее тоже был демидовский малахит. В краеведческом музее Нижнего Тагила находится дарохранилище из этого камня. В самый ответственный момент богослужения ее выносили из алтаря и причащали народ.

Для пропаганды своих богатств Демидовы не жалели денег. Даже в небольшой церквушке-часовенке около Нижнего Тагила долго хранился малахитовый крест, стоящий на малахитовом же постаменте. Кроме креста — символа божественности — на постаменте была горка из горных пород, составлявших богатства семьи Демидовых. Вот так: молись да знай, что все в руках всемогущих князей Сан-Донато! Этот каменный раритет, к сожалению, не сохранился. Несколько лет назад я видел лишь постамент от него в подвале Уральского геологического управления.

Потрясающий эффект вызывает третий «оазис» Уральского геологического музея — собрание столь же удивительных полированных камней — яшм. Особенно Южный Урал славится своими пейзажными яшмами.

«Чего только не видите вы, рассматривая коллекции орских яшм, — писал академик А. Е. Ферсман. — Вот бушующее море, покрытое серовато-зеленой пеной... На горизонте сквозь черные тучи пробивается огненная полоса заходящего солнца. Вот какой-то хаос огненно-красных тонов, кто-то бешено мчится среди пожара, и черная фигура всадника резкими контурами выделяется на фоне

пламени. А вот мирный осенний ландшафт: голые деревья, чистый первый снежок, кое-где еще остатки зеленой травы...»

Пейзажными яшмами коллекций геологического музея Свердловска была очарована Индира Ганди, приезжавшая сюда смотреть неповторимые уральские сокровища вместе со своим отцом Джавахарлалом Неру.

Пейзажные яшмы занимают, пожалуй, наибольшее место в музеях и частных коллекциях. Какую разнообразную гамму чувств вызывают они!

...Огненная вспышка озарила небо. Она была столь яркой, что казалась красно-коричневой. Лишь по зареву на небосводе можно было судить о силе и мощи огня.

В отблесках пламени стали отчетливо видимыми черная бездонная пропасть, суровые скалы и заснеженные вершины гор.

А по небу, распластав крылья, пронеслась гигантская птица.

На переднем плане высветился поясной портрет человека, прикованного к скале. На его лице написано страдание. Он знает: сейчас прилетит хищная птица и начнет терзать его печень...

Может быть, и не стоило бы пересказывать миф о Прометее, подарившем человечеству огонь и принявшем за это нечеловеческие муки. Этой легенде почти три тысячи лет. Но все рассказанное я нашел в куске полированной яшмы! Сама природа начертала на камне этот сюжет.

Такие камни мы называем пейзажными, выделяя из них группу еще более удивительных — портретных. В основе их рисунка лежит случайное сочетание красок горных пород, возникшее в процессе жизни камня.

В моей коллекции есть и разные портретные камни.

На окраине города Орска на Южном Урале, там же, где был взят и кусок яшмы с Прометеем, я подобрал небольшой кусочек породы, на котором отчетливо (без полировки) виден рисунок головки модницы с замыслова-

той прической. Чудеса в этом камне заключаются в том, что стоит повернуть плиточку на 90 градусов, как рисунок меняется и на месте модницы возникает нечто похожее на черта. Он с рогами и выпученными глазами. Вместо рук и ног у черта плавники.

Однажды мне попал в руки кусок невзрачной породы. Название ее удалось с трудом определить. Это была измененная некогда осадочная порода, ставшая с течением времени близкой по своему составу к амфиболитам и гнейсам. Процесс такой переработки весьма сложен и не всегда точно поддается учету.

Я взял этот образец на ныне заброшенном Маминском золоторудном месторождении, прославившемся тем, что в гранитных массах этого месторождения были найдены первые в мире окаменелые остатки организмов.

Кусок породы, о котором идет речь, был невзрачен. Зеленовато-серый тон породы нарушался белесыми включениями неправильной формы. Чтобы лучше рассмотреть породу, пришлось шлифовать одну из плоскостей образца. И тут мы увидели фрагмент сказки...

Начинается шторм. На пологий берег набегают зеленые седобородые волны. Верхняя часть пенистых валов разносится ветром. Такую гамму серо-зеленых красок, сочетающихся с воздушно-белесыми тонами вспененных волн, увидишь только на картинах Айвазовского в Феодосийской галерее или в собраниях Русского музея.

Среди белой пены, рассыпавшейся по пляжу, видна сказочная русалка. Она обессилена в битве с прибоем. Голова русалки запрокинута... Обнаженный торс изогнут... Рука беспомощно пытается опереться о пену... Еще немного, и из воды покажется ее хвост...

Если повернуть на 180 градусов эту композицию, то на месте русалки возникает свирепый лик морского царя. Это он, довольный и гордый своей силой, нагоняет мощный девятый вал. Морской царь многолик. Один из его портретов распластался в старой пене по пляжу. Такая

же участь ждет и облик, возникший на новом гребне. А на подходе уже другая волна... Она принесет новое чудо...

Есть у меня несколько глыбок портретного родонита. Того самого минерала, который украшает пилоны из нержавеющей стали в подземном вестибюле станции метро «Маяковская».

Родонит издавна привлекал любителей камня своей раскраской. Смолисто-черные прожилки в нем прорезают розово-красную массу, создавая в каждом образце неординарный рисунок.

Августейшая любительница камня — Екатерина II знала о существовании крупной глыбы родонита, найденной в 60 километрах от Екатеринбурга. Царица приказала создать из этого куска что-либо для своего дворца. С трудом перетащили глыбу на фабрику. Но перекрытия здания не выдержали такой тяжести, и глыба провалилась в землю, пролежав там до наших дней. Лишь в середине 30-х годов она была извлечена, и из нее сделали стелу, ныне украшающую памятник Анри Барбюса на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Родонит (по-гречески — розовый) имеет и другое название. Уральцы зовут его орлецом. Бытует легенда о том, что этот камень знают и любят орлы, они держат куски орлеца в своих гнездах. Возьми кусочек орлеца, говорят в народе, положи его в люльку — и ребенок вырастет мощным, сильным, зорким.

На одной из глыбок родонита из моей коллекции переплетение черных прожилок создало двойной портрет девушки и молодого человека. Они стоят друг против друга, о чем-то беседуя. У девушки пышная прическа. Лицо ее миловидное, курносенькое. Юноша, по-видимому военный. Одет в мундир. На его голове парик с косичкой. Такие костюмы носили в XVIII веке.

А на другой глыбке — парень в картузе стоит перед дамой — стройной, худенькой, одетой в платье с кринолином...

Портретные камни можно встретить среди различных минералов. В Новосибирском музее Института геологии и геофизики Сибирского отделения Академии наук СССР мне подарили кусочек полированного нефрита из Забайкалья.

Мерцающий блеск травяно-зеленого нефрита ни с чем не сравним. Этот блеск в сочетании с другими особенностями камня — с его вязкостью и колоссальной прочностью — привлек к нему внимание древних. Вначале из него делали каменные орудия, затем он стал типичным камнем для изготовления различных божков и предметов культа.

Иногда в массе минерала встречаются различной формы и разного размера пятна светло-серых и зеленовато-серых тонов. Такое пятнышко в подаренном мне образце оказалось портретным. В нем отчетливо сходство с родеоновским «Мыслителем».

Красивый пейзажный камень для своей коллекции я получил от геолога Ю. П. Сорокина из Тюмени. Образец представляет плитку размером 6×9 сантиметров. Все, кому я ее показывал, дают ей одинаковое название: «Русский лес».

Сюжет, изображенный на плитке, несложен. На переднем плане стоит несколько березок. Задний план — коричнево-красный, со светло-коричневыми полосами, напоминающими грозные отсветы облачного неба.

«Русский лес» был доставлен с Северного Урала. На месторождении этого камня растут такие же березки. Научное название породы — фельзит-порфир. Такие породы являются родственниками гранитов, отличаясь от них своей структурой. Они не успели раскристаллизоваться, потому что застыли на поверхности после извержения из жерла вулкана. В них много мелкокристаллического полевого шпата и особенно кварца. Кварц и образует в породе многочисленные прожилки. Неоднородность кварца (молочно-желтоватый кварц перемежается со светло-серым) и создает впечатление ствола березы.

Чаще всего пейзажные камни можно встретить среди яшм. Особенно славятся такими камнями орские яшмы. Выставка пейзажных орских яшм в Монреале (на ЭКСПО-67) заслуженно получила высокую оценку.

Специалисты утверждают, что среди орских яшм можно насчитать более двухсот разновидностей, выделяемых по рисунку, по цвету, по красоте.

Что только не увидишь в рисунках этих яшм! Мирный горный ландшафт. Долины рек. Водопады. Морской прибой... Особенную известность получила орская «крепостная» яшма. На полированной поверхности такой яшмы видны крепостные бойницы, арки и подвесные мосты. Не хватает только рыцарей, едущих на турнир.

Разнообразные уральские камни легли в основу одной из замечательнейших коллекций, хранящихся в Перми в запасниках картинной галереи и в музее кафедры минералогии Пермского государственного университета.

Уральский камень вдохновил одного из лучших ювелиров-скульпторов, замечательного художника начала нашего века А. К. Денисова-Уральского. Им был создан свой стиль воплощения мыслей в камне. В неповторимых произведениях он пытался через зримые образы из разнообразных видов камня передать многое из того, что заставляло задумываться русских людей.

Алексей Кузьмич Денисов родился в Екатеринбурге в начале 60-х годов прошлого века. Отец его — камнерез-горщик торговал в Екатеринбурге «каменным товаром». В ходу были горки из разнообразных камней, шкатулки, просто коллекционные камни. Одно время пользовались успехом уральские пейзажи, с подклеенными на переднем плане глыбами горных пород и минералов.

Мальчиком. Алексей, вращавшийся в среде торговцев, помогал отцу. А повзрослев — рисовал пейзажи и подбирал к ним каменные обрамления. Отец не поощрял подобные увлечения сына. По его мнению, стоящим делом была только торговля каменными раритетами. С трудом уда-

лось Алексею получить минимальное художественное образование.

Позднее пейзажи, созданные художником Алексеем Денисовым, принесли ему не только известность, но и прозвище Уральского. Денисов открыл всему миру красоты реки Чусовой, перспективы горного Урала, лирику скальных обрывов уральских рек...

Ну а заложенная с детства любовь к камню породила стремление Алексея Кузьмича к созданию каменных статуэток, каменных безделушек.

Не следует забывать, что для молодого дельца все созданное им являлось в первую очередь товаром, который нужно было продать, и на вырученные деньги создавать новое. Художника Денисова очаровывал своей красотой Урал; дельца Денисова влекла столица, где можно было с выгодой распродать изготовленное.

Организовав в Екатеринбурге скупку уральских камней, Денисов открыл свой магазин в Петербурге. Там он устраивал выставки своих произведений, чтобы создать им рекламу, а главное — изучить требования покупателей к «каменному товару». Нужно было угодить на все вкусы. Это сулило соответствующие барыши.

Биографы Денисова-Уральского по крупицам собрали немногочисленные сведения о его жизни и деятельности. Патриот нашей страны и энтузиаст случайно оказался до конца своих дней за рубежом.

В 1938 году судьба забросила меня на работу в Пермский госуниверситет. Приехав в Пермь, я первым делом стал спрашивать о достопримечательностях города и моего нового места работы. Самой главной достопримечательностью на геологическом факультете университета считался студент, получивший двойку по минералогии. Про этого студента слагались легенды. Вот одна из них.

На занятиях по минералогии студентам были розданы

эталоны со шкалой твердости минералов, по которой минералы распределялись так: тальк — 1, гипс — 2, кальцит — 3, флюорит — 4, апатит — 5, полевой шпат — 6, кварц — 7, топаз — 8, корунд — 9 и алмаз — 10.

Предлагалось шкалу вызубрить как таблицу умножения и пользоваться ею при определении минералов. Так было двадцать лет подряд, и вдруг...

Вдруг один строптивый студент сказал:

— Эталоны врут! Твердость гипса не два, а восемь! То есть это все равно, что дважды два приравнять к пятидесяти.

Студенту поставили двойку. Сказали: поучи, милый, потом приходи.

А студент кричит:

— Это вам надо поставить двойку. Требую экспертизы!

И ведь настоял на своем. Эксперты собрались и установили, что... что студент прав! Что пластинка, лежащая в эталонах под названием «Марьино стекло — гипс», имеет твердость не два, а восемь!

Что тут было! Все перепуталось. Кому ставить двойку?

Стали разбираться. Как могло такое случиться? И установили.

Все коллекции кафедры минералогии Пермского университета создались на базе огромной эталонной коллекции Денисова-Уральского, полученной при открытии университета в 1916 году. Было при этом несколько разночтений. Одни говорили, что коллекцию подарил университету сам Денисов-Уральский, другие — что коллекцию купили за 16 тысяч рублей, третьи — что ящики с камнями случайно обнаружили на Пермском речном вокзале. На всякий случай, чтобы разобраться что к чему, передали ящики университету.

Коллекция была тщательно разобрана. Главное ее собрание послужило основой музеев при кафедрах. А то, что осталось и лежало без этикеток, пошло для рабочих

коллекций (для практических занятий). Какой-то «грамотей» из числа лиц, разбиравших коллекции, полученные кафедрой минералогии, зачислил в разряд «гипса» уникальный минерал кунцит — разновидность силиката сподумена. Это удалось установить одному из лаборантов. Он нашел на пластиночке инвентарный номер. Сверил со списком, имевшимся при коллекции. Кунцит! Под влиянием бета- и гамма-излучения кунцит ярко светится.

Тогда все увидели, что это не гипс. Удивляюсь. Ведь кунцит обладает редкой способностью менять свою окраску. Он может быть то светлым, прозрачным, то (в другом направлении) розовато-фиолетовым. Вспомнили, что в коллекции одного американского миллиардера есть уникальный кусок кунцита размером с полстакана. Такой кусочек оценен в полмиллиона рублей.

Так я, через призму двойки, начал знакомство с коллекцией А. К. Денисова-Уральского.

Коллекция кафедры минералогии может быть разделена на две неравных группы: первая — учебная, вторая — выставочная.

В учебной коллекции собраны минералы со всего мира. Их 2712 штук, 609 названий. Размеры их стандартны (с кулак величиной). В коллекции поражает относительная ее полнота: она смонтирована по входившей в те времена в моду системе американского минералога Дена. Все минералы в ней расположены по химическим признакам.

Знакомство Денисова-Уральского с современной научной классификацией минералов отметить чрезвычайно важно. Возможно, что у него был консультант-минералог, но кое-что (даже при наличии консультанта) должен был понимать и сам Денисов.

В выставочной части коллекции хранились все полированные камни и подделки из камня. Подробно эту часть коллекции описала С. Семенова, выпустившая в 1978 году книгу о Денисове-Уральском (Семенова С. Очарован Уралом. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1978).

Перечень этой части коллекции я заимствовал из этой книги. Вот он.

«Брелки и подвески, броши, вставки для перстней, булавок, сережек, амулетов. Бусы. Рамки для зеркал и фотографий. Шкатулки (одна из них малахитовая). Вазы. Пепельницы, ручки для зонтов. Письменные приборы, тарелки, подносы, стаканы, рюмки. Печати. Все они изготовлены из разнообразных (большей частью уральских) камней».

О разнообразии камня может дать представление набор пасхальных яиц из яшм. Каких только здесь нет яшм! Темно-зеленая — калканская, все оттенки уральских сургучных яшм; знаменитая аушкульская — с белыми дендритами на черном поле; нежно-фисташковая, с темно-оливковыми полосами — екатеринбургская... Есть яшмы тунгатовские, беркутинские и многие другие.

Среди амулетов и безделушек привлекают внимание крошечные — от 1,5 до 0,5 сантиметра — птички из амethystа, утята из дымчатого горного хрусталя, лягушки из сибирского нефрита, пестрые петушки из сибирской ляпис-лазури, божьи коровки из уральской яшмы и многие другие безделушки, рассчитанные на все вкусы покупателей.

У меня создалось впечатление, что весь этот «ширпотреб» был изготовлен не самим мастером Денисовым-Уральским, а его рабочими.

Лишь некоторые изделия были, возможно, выполнены самим Денисовым-Уральским. К ним относятся баранья голова из яркой ляпис-лазури, еловая шишка из нефрита, голова поросенка из родонита, заканчивающая собой белую редьку из молочного кварца...

Я видел все эти изделия в Пермском университете. Показывая их мне, заведующий кафедрой доцент В. К. Воскресенский сказал между прочим:

— Были здесь еще и некоторые другие изделия, но так как они никакой ценности не представляют, я сдал их в картинную галерею Пермского краеведческого музея.

В то время (шел 1938 г.) я не обратил внимания на эти слова. Значение сказанного дошло до меня позднее, когда я познакомился с этими «не представляющими ценности» произведениями, созданными гениальным художником. Описание их дано ниже. Здесь же я скажу, что в запасники музея были сданы изделия лишь потому, что они имели следы поломок, реставрация которых в сто раз увеличила бы выставочную ценность коллекции.

...В просторном зале магазина известного ювелира и художника А. К. Денисова-Уральского всегда бывалолюдно. Сюда приезжали дамы и господа высшего света познакомиться со знаменитыми каменными аллегориями.

Шепотом «из уст в уста» передавали, что самые высокие персоны царствующего дома одобрили знаменитую каменную скульптуру, долженствующую стать эмблемой души русского народа. Скульптура эта стояла в центре выставки на специальном постаменте — пюпитре, покрытом черным бархатом.

Олицетворением «души» оказался всем известный по материалам прессы казак Козьма Крючков, сидевший на лихом скакуне. В одной руке Крючков держал казацкую пику с насаженными на нее карикатурными фигурами немцев. Вся скульптура была сделана из разнообразного уральского камня. Лошадь казака располагалась на большой малахитовой плите необычно густого травяно-зеленого цвета.

На специальных подставках вокруг этой центральной фигуры экспонировались аллегорические фигуры союзников.

Особенно хорош был британский лев, высеченный из полированного кошачьего глаза — разновидности горного хрусталя светлых и темных оттенков, с шелковистым блеском, пронизанным тонкими включениями асбестовидных частичек. Полированный кошачий глаз придавал льву удивительную подвижность. Казалось, что лев живет, движется, следит своим взором и всем своим обликом за

каждым посетителем. Цвет кошачьего глаза был золотисто-желтым, почти точно передающим оттенки шкуры зверя.

Рядом с британским львом расположилась стройная фигурка девушки, одетой в национальный костюм, раскрашенный под государственный флаг Франции. Сочетание красных, белых и синих тонов национального флага осуществлялось за счет оттенков красной сургучной яшмы, молочного кварца и ляпис-лазури.

А над британским львом и французской Марианной другой символ государственности — герб России из горного хрусталя, инкрустированный золотом. Поражали всех глаза двуглавого орла, сделанные из крупных изумрудов.

Тройственному союзу: России, Британии и Франции, в каменной аллегории противопоставлялись «черные силы». Главной из этих сил был сам император Германии Вильгельм. Он предстал перед зрителями в облике черного ворона в немецкой каске. У ворона были лихо закрученные (по-вильгельмовски) черные усы.

Немецкий ворон сидел на телеге с впряженными в нее «рысаками». Оба «рысака» имели явно свинское происхождение. Вместо тупых свиных рыл были человечьи лица. В одном легко узнавался император Австро-Венгрии Франц-Иосиф, в другом — Абдул-Гамид, султан Турции. Розовые пороссячьи окарикатуренные лица союзников Германии выполнены из уральского орлеца. Вся композиция прикреплена к подставке из бархатно-зеленого оникса.

Над композицией «черных сил» властвовал крупный размеров белый медведь из лунного камня, шагающий по «льдинам» из снежно-белого алебаstra. Этот «русский медведь» подавлял своей мощью и силой.

Были здесь и другие аллегорические фигуры...

При работе над этими композициями Денисов-Уральский, конечно, оставался сыном своего времени и отдал дань казенному ура-патриотизму. Печать тех времен не обошла вниманием выставку. Ведь ничего подобного до Денисова-Уральского не знало ювелирное искусство Рос-

сии. Отзывы были в основном хвалебные. Лишь в некоторых газетах прозрачно намекали, что уж кого-кого, но не мифического Козьму Крючкова надо было сделать центральной фигурой выставки. Что не подобало такому крупному художнику, как Денисов-Уральский, скатываться в своих произведениях к лубочным картинкам.

След всех изделий, представленных на выставке, вскоре затерялся. По-видимому, они были быстро раскуплены падкими до сенсаций великосветскими любителями раритетов.

Со времени моего пребывания в Пермском государственном университете прошло более тридцати лет. Обратиться вновь к творческой деятельности Денисова-Уральского меня заставило интересное выступление по Свердловскому телевидению журналистки Светланы Семеновой, раскопавшей старые материалы о творчестве Денисова-Уральского. Ее выступление напомнило мне все, что я в свое время начал просматривать в Перми.

И вот однажды, воспользовавшись очередной командировкой в Пермь, я отправился в картинную галерею. Старший научный сотрудник этой галереи Галина Александровна Тихова приобщила меня к тем чудеснымкладам, которые хранятся в запасниках. Оказывается, надо благодарить судьбу за то, что бесценные произведения ювелирного искусства оказались не в порядке. Они только поэтому и сохранились: никто не хотел покупать сломанные «игрушки».

По-видимому, пермские раритеты не демонстрировались на выставке в Петербурге. Иначе хоть что-то о них просочилось бы в печать. Не исключено, что сохранившиеся раритеты представляют то, с чем не хотел расставаться художник.

Эмблемой России здесь он дал не герб, не Козьму Крючкова, не белого медведя, а обычного российского солдата, одетого в простую шинель. Колорит серой шинели хорошо передал шарташский гранит грязно-серых оттен-

ков. Шинель перетянута ремнем из коричневой яшмы с агатовым патронташем. Сапоги и руки солдата выточены из аспидного сланца. Шапка из серо-зеленого халцедона как-то повисла на голове, без той лихости, которая была придана Козьме Крючкову. Лицо из розового халцедона несет печать грусти. Вся фигура солдата какая-то серая, обмякшая. Видно, что осточертела ему и война и окопная жизнь... Да, такую реальность нельзя было показывать придворной знати. Для них и по их заказу были сделаны Козьма Крючков, белый медведь, двуглавый орел и другие раритеты этого типа.

Я, возможно, не ошибусь, если скажу, что и некоторым каменным аллегориям художник придал какой-то другой смысловой подтекст. Вот Британия. Владычица морей. Ее изобразил Денисов в облике морского льва, держащего во рту рыбку. Лев выточен из вулканического стекла — обсидиана, великолепно передающего фактуру морского зверя. Рыбка выполнена из полупрозрачного дымчатого кварца. Голова рыбки родонитовая. Лев вышел из морской стихии на льдину из полупрозрачного молочного кварца. Подо льдом пластинка из зеленоватого, слегка мутноватого кварцевого стекла. Смотришь — как будто все в порядке. А ведь можно дать и другой смысл этой каменной скульптуре. Не ловит ли Британия рыбку в мутной воде?

Другой союзник — Италия, вступившая в войну в мае 1915 года, тоже изображена художником, на мой взгляд, с подтекстом. На постаменте из серого мрамора стоит волчица из березовского гранита. В отождествлении Италии с волчицей нет ничего странного. Волчица вскормила Ромула и Рема — основателей Рима.

И Франция в этом собрании ценностей иная, не та, которая экспонировалась в Петрограде, хотя колорит страны остался тем же. Та же Марианна, французская девушка, одетая в платье из трехцветного флага: молочно-белого — кварца, синего — лазурита, красного — яшмы.

Торс, лицо и руки выточены из кварца и обсидиана. И в руках у нее щит из жадеита, с изображенным на нем петухом. Но опять мне показалось, что Франция поставлена на круглый пьедестал не случайно — на нем ведь трудно балансировать. Да и пьедестал-то сделан из вулканической породы! А?

В Пермской картинной галерее сохранились (благодаря своей «некачественности») и другие персонажи российских союзников.

Вот Сербия. На полосчатой яшме ежик. Иглы у него сделаны из посеребренной меди. Мордочка ежика и его тело — из вулканической породы. Сапфировые глазки зверька оживляют всю композицию.

Другой персонаж с Балкан: Черногория. На вершине горной скалы в горделивой позе стоит орел. Для скалы художник взял слюдит Изумрудных копей. В основании скалы и в его теле сосредоточены драгоценные изумруды. Орел выполнен из дымчатого горного хрусталя.

Сохранились также аллегорические фигуры Японии и Бельгии. Япония изображена в виде сокола из серого пегматита, сидящего на черной перчатке из мориона, клюв сделан из желтого халцедона.

Бельгия представляет собой льва из раухтопаза на морионовой глыбе.

Как и в петербургском собрании аллегорий, противники выполнены гротескно. Конечно, самый главный удар дан по Германии.

Германию олицетворяет реалистично выполненный император Вильгельм, сидящий верхом на свинье. Вильгельм, к сожалению, не сохранился. Уцелел лишь его постамент: свинья из родонита, с красным (из яшмы) носом. На голове свиньи ермолка из малахита. Свинья прижалась брюхом к подушке из мрамора. Под подушкой могильные кресты и надгробья. Вся композиция смонтирована на траурной глыбе из лабрадорита (с иризирующими синими бликами), прорезанного пластом конгломерата. Это

самая крупная скульптура. Ее размер (сохранившейся части) $36 \times 22 \times 53$ сантиметра.

Германия представлена и в другом варианте, отражающем иные тенденции в стране. Это композиция со сложным замыслом. Главной фигурой является архангел (из молочного кварца). Он попирает ногой артиллерийский снаряд, рядом с которым извивается змея с головой кайзера Вильгельма. Змея выполнена из пестрой яшмы, голова кайзера — из родонита. Это другая Германия. И, конечно, такой она не была представлена для выставки великосветскому обществу.

Другая страна, воевавшая против нас, — Турция. Ее художник изобразил в виде жабы (из серой вулканической породы), прикованной цепью к камню. На голове у нее красная ермолка (из яшмы). Сидит жаба на полированном лазурите.

Столь же гротескно подана Австро-Венгрия. Ее олицетворяет мартышка (император Франц-Иосиф), сидящая у разбитого корыта. Мартышка вырезана из красной яшмы. Морда сделана из серого известняка, ей приданы реалистические черты императора. Корыто выполнено из серой яшмы. Вся композиция имеет постамент из полированной пестрой, в основном коричневой, яшмы.

Среди аллегорических персонажей обращает внимание странная фигура — индюк из серого пегматита. Только голова и грудь птицы вырезаны из красной яшмы. Хвост распушен (жаль, он обломлен!). На этикетке значится: Румыния.

Когда рассматриваешь эту аллегорию, встаешь в тупик: куда ее причислить — к «хорошим» или к «плохим» странам?

Как известно, Румыния долго «выдерживала» свое отношение к событиям первой мировой войны. До августа 1916 года она проводила политику «вооруженного выжидания». Внешне связанная с Австро-Венгрией, Румыния вела переговоры с Антантой. Только после названной даты страна выступила на стороне наших союзников.

Вполне естественно, что Денисов-Уральский к моменту окончания работ над каменными аллегориями (это примерно к началу 1916 г.) не мог четко определить своего отношения к этой стране. Вот из-под его резца и вышел такой персонаж.

Просматривая эти бесценные сокровища, я невольно вспоминал слова заведующего кафедрой минералогии университета о том, что переданные им картинной галерее камни «не имеют никакой ценности». Но, может быть, на кафедре кое-что все же сохранилось из каменной аллегии? К этой группе произведений могут быть отнесены уже упоминавшаяся баранья голова, заканчивающая собой редьку, пальмовая ветвь из нефрита, которую, возможно, держал в руках ангел, попирающий артиллерийский снаряд.

Достойно сожаления, что эти бесценные уникальные произведения не демонстрируют народу. Пермская картинная галерея славится своим удивительным собранием оригиналов картин выдающихся художников и особенно неповторимыми деревянными скульптурами. Показ каменных аллегорий упрочил бы славу музея как одного из лучших музеев страны.

А пока... Даже в Перми немногие знают о существовании этих раритетов.

Природные музеи

Природные музеи... Это и любая скала, это и обрыв берега реки, озера. Это и возвышения, холмы, которые встречаются часто в природе. В каждом из них можно увидеть что-либо примечательное.

Урал... Каменные громады его порой заставляют воспринимать мир только с позиций грез.

Есть на Полярном Урале удивительные одиночные скалы. Расположены они в урочище Мань-Пупы-Ньер. Скалы эти столбообразны и кажутся искусственно поставленными на водораздельном равнинном плато. Когда смотришь на этот необычный пейзаж, вспоминается старинная легенда о том, как в давние времена на священную землю народов манси напали злые великаны. С грохотом ритуальных бубнов они медленно шли, уничтожая на своем пути все живое.

Казалось, не было сил для защиты.

Взмолились мансийцы, стали просить богов о помощи. И те вняли молитвам: превратили великанов в каменные столбы.

Так и стоят теперь в верховьях реки Печоры каменные великаны, пугая охотников и всех тех, кто забирается в эти угрюмые дали.

Много скал на Среднем Урале. И каждая из них часто таит поэтическую легенду, иной раз связанную с какими-то происшествиями. Группу скал в районе станции Исеть народ окрестил Чертовым Городищем, а скалы недалеко от Верх-Нейвинска получили название Семь Братьев и Одна Сестра.

Городище, да еще Чертово! Одно только название сразу уводит в сферу легенд, мифов и фантастических

домыслов. Хочется представить среди этого каменного хаоса страшных чертей. Только они могли нагородить такую уйму каменных глыб, где действительно, как говорят, сам черт ногу сломит.

А легенда о Семи Братьях и Одной Сестре родилась в демидовские времена. В сказании об этих скалах отразилось восстание рабочих, ополчившихся против самоуправления управителя и его наследников. Казнить их решили на самой высокой горе. Страшно закричала сестра в горе-сти. От ее крика окаменели братья, и сама она не избежала этой участи.

...Много других одиночных скал можно встретить на Урале. В восточной части Свердловска расположены Шарташские каменные палатки. Существует несколько гипотез о происхождении этих скал.

В создании геологической гипотезы я сам принимал участие. Она казалась безукоризненной и даже не требовала проверки.

Отвечая на вопрос о происхождении каменных палаток, я говорил, что подобные им каменные громады формируются десятки миллионов лет. Их скульптор — вода, перемены температур и время. Чаще всего такие каменные раритеты встречаются на стыках горных пород. Особенно часто возникают каменные столбы и каменные изгороди там, где легко разрушающиеся горные породы пересекаются жильным телом. Говоря обо всем этом, я предполагал, что Шарташские каменные палатки представляют мощную жилу, залегающую среди относительно рыхлых образований.

Все это было бы верно, но...

Однажды, рассматривая в сотый раз горные породы Шарташских каменных палаток, я с удивлением констатировал, что они не имеют черт, свойственных жильным образованиям, и, что еще более странно, вмещающие их породы ничем не отличаются от тел, считавшихся типично «жильными».

Кинулся к специалистам. Те подтвердили: действительно, это так!

— Так как же возникли каменные палатки?

— Не знаем, не знаем...

Вот так рухнула «бесспорная» геологическая версия.

И тогда-то мне вспомнились интересные исследования археологов, которые, правда, не имеют отношения к происхождению каменных палаток. При раскопках в Пермской, Свердловской и других областях Урала было обнаружено множество интереснейших находок древних культур. Найденные предметы хранятся в музеях Перми, Нижнего Тагила, Свердловска и других городов.

Самая древняя стоянка, как утверждают ученые, вскрыта в низовьях реки Чусовой. Она относится к каменному веку — палеолиту. Орудия из камня здесь лежат вместе с костями мамонта.

Другие стоянки — «помоложе», возникли в эпохи, отстоящие от нас за несколько тысячелетий и даже столетий. Люди, жившие в те времена, селились около рек и озер. На одной из таких стоянок, около Верхнего Тагила, на Шигирском озере, было найдено много орудий труда: гарпунов, рыболовных снастей, наконечников копий и стрел.

Человек бронзового века был рудознатцем. На стоянке, в окрестностях Гумешевского медного рудника, обнаружены сумка из лосиной кожи, рукавицы, кайлы, лопаты, а в самом руднике, на глубине порядка тридцати метров, сохранились остатки деревянной крепи. На древнем руднике Сайгачьем археологи нашли слитки сплавленной меди, тигли и даже кости погибших рудокопов.

А предметов, встреченных на стоянках так называемой Ананьевской культуры железного века (VIII—III вв. до н. э.), практически не счесть. Ряд археологов считает жителей этой эпохи предками современных удмуртов и коми-зырян, другие пытаются выделить мифическую чудскую эпоху.

О «чуди белоглазой» археологи поведали одну из легенд. Говорят, что однажды В. Татищеву, основателю Екатеринбурга, приснился странный сон. Явилась к нему женщина необычайного вида и дивной красоты. Одета она была в звериные шкуры, на ее груди сверкали золотые украшения.

— Слушай,— сказала женщина Татищеву,— ты отдал приказ копать курганы в своем новом городе. Не тронь их! Там лежат мои храбрые воины. Не будет тебе покоя ни на том, ни на этом свете, если потревожишь их прах или возьмешь их дорогие доспехи. Я, княгиня чудская Анна, клянусь тебе, что разорю и город, и все, что ты строишь, если тронешь эти могилы.

И Татищев приказал не раскапывать захоронения. Скрыты были только вершины курганов.

Прошло почти двести пятьдесят лет. На месте курганов поставили памятник П. П. Бажову — хранителю старины Уральских гор, замечательному знатоку уральских сказов. Говорят, что взор Бажова устремлен на то место, где были похоронены храбрые воины мифической чудской княгини.

Археологи высказали предположение, что в верховьях реки Исети находились культовые зоны чудских племен. Одним из доказательств этой версии они считают тѣмги — культовые каменные чаши, куда во время церемоний сливалась кровь убитых животных. Предметы культа, в периоды между празднествами, хранились в каменных подземельях, расположенных якобы под Шарташскими палатками. Они представляют сложную сеть подземных переходов, соединяющих на глубине 10—12 метров залы треугольных очертаний. Два таких зала располагались справа и слева от зоны шарташской тѣмги, третья — самая большая — в непосредственной близости от дальнего камня (считая первым тот, который с тѣмгой).

Должен, как геолог, сказать, что в гранитах пещерам быть не положено. Сложные сети пещер возникают в отно-

сительно легкорастворимых породах, типа известняков или гипсов. Отсюда, с геологических позиций, версия о существовании под Шарташскими каменными палатками сложной сети подземелий кажется маловероятной.

...Осматривая (в который раз!) камни Шарташских палаток, я увидел на одной из глыб нечто, ранее не виданное. Это было каменное человеческое лицо!

Не доверяя своим глазам, я сфотографировал его. И вот передо мной зафиксированное фотоаппаратом изображение. На снимке — обычная глыба гранита. Таких гранитных плит, с типичной матрацевидной отдельностью, можно встретить тысячи в каждом из каменных развалов.

Но если всмотреться...

Чтобы лучше увидеть и показать это увиденное, я препарировал изображение, удалив со снимка все лишнее. И тогда стал отчетливо видим шарташский идол, восставший из легенд! У него лицо и торс. Первое впечатление таково, что это не человеческое лицо. Но нет. У него есть и глаза, и нос, и рот. Вместе с остроконечным подбородком овал головы приобрел удлинённый, словно огурец, облик. В этой «маске-огурце» каменное безмолвие, вечный покой.

На снимке отчетливо видно, что неизвестным скульптором изваян горбатый человек, у которого хорошо прочерчены контуры одежды, похожей на татарский аязм, — длинный кафтан, изготавливаемый обычно из грубого сукна домашнего производства. По моим подсчетам, рост всей человеческой фигуры около полутора метров.

Что же это — мираж, каменная греза или действительность? Как попал на окраину Свердловска каменный идол в татарском одеянии? Когда и кем было выбито это изображение? Для чего оно сделано?

О том, что каменное идолище не мираж и не грезы, свидетельствует одна из деталей этой скульптуры. Вспомните внимательно в лицо идолища. Тонкая трещинка тянется от угла губ по щеке. Это — брак!

Скорее всего, скульптура уцелела потому, что была плохо сработана. В ней не учтена фактура породы. Поэтому-то мастер и забросил ее.

Идолище раскрывает нам первые шаги освоения шарташской глухомани. Здесь были не культовые сборища. Сюда, по-видимому, приезжали за каменными изваяниями. Народ окрестил их «каменными бабами». Каменные изваяния ставились на могильных курганах и на перекрестках дорог. Исследователи фиксировали их на огромных пространствах южной Руси, Сибири, Средней Азии, Монголии. Стояли они на дорогах Пруссии, Австрийской Галиции. В записях, составленных в XVII веке, перечислены некоторые из таких изваяний, с упоминанием: Каменный Болван, Каменная Баба, Каменный Человек.

Многие из путешественников-географов прошлого отмечали эти каменные скульптуры. Они хранятся в музеях Москвы, Харькова, Одессы, Днепропетровска. В середине прошлого века один из исследователей насчитал свыше шестисот таких изваяний.

Сделаны эти «каменные бабы» из относительно крепких горных пород — песчаников, известняков и гранитов. Они имели разнообразные размеры — от одного до четырех метров высоты.

Изготавливали их в различное время: от скифской эпохи (V—IV вв. до н. э.) до позднечетвертичной (XIV—XIII вв. н. э.).

Возможно, в те далекие времена было несколько мастерских по изготовлению таких каменных изваяний. Одна из них находилась в зоне верховий реки Исети, у Шарташских каменных палаток. Отсюда поставлялись гранитные «каменные бабы».

Неожиданно вспомнилась экскурсия по Брюсселю, где нам, туристам, показали небольшую лавчонку москательных товаров. Примечательна она тем, что именно в этой лавчонке и именно этими товарами торгуют здесь свыше трехсот лет!

Подобное постоянство могло быть и в районе Шарташских палаток. Не исключено, что торговля «каменными бабами», изготовленными из гранита, существовала здесь несколько столетий. Тогда в обломочно-песчаных наслоениях можно было бы проследить и смену культур, и найти какие-либо другие археологические материалы. Кто знает — может быть, мы нашли бы здесь и те пещеры-тайники, которые, если верить легендам, расположены под Шарташскими каменными палатками.

Силой воображения перенесемся в глубь веков, на несколько столетий в прошлое.

...Гулкие сигналы берестяных рожков возвестили издадека, что к ваятелям камня в район Шарташа направляются гости. Их плащи из домотканого сукна в пыли и грязи. Усталый, замученный вид лошадей свидетельствовал о дальности проделанного пути.

Все население поселка высыпало навстречу гостям. Для них накалялись каменицы в курных баньках. В глиняных кувшинах стояла горячая вода, а мальчишки нарежали березовые веники. Парься с дороги!

Первым «угощением» гостей в древности всегда была банька. Она снимала усталость. Сразу исчезали тяготы далекого пути.

Только к вечеру следующего дня гости заговорили о цели своего путешествия.

— Наслышаны мы,— начал один из гостей,— что искусны вы в выделке каменных девок. Нужны они нам для указателей пути. За ними мы и приехали.

За накрытыми столами, наполненными яствами и питьем — медовой брагой, сидели хозяева и гости. Перед ними возвышалась громада каменной глыбы.

Для гостей дюжие молодцы взволокли на скалу каменного исполина. Чтобы гости могли хорошенько рассмотреть изготовленную скульптуру, ее поворачивали и крутили вокруг оси десятки раз.

Не понравилась «каменная баба». Взволокли на то же

место другую и также поворачивали несчетное число раз. А на том месте, где крутили каменные изваяния, и до наших дней остался след в виде плоской чаши.

Наконец гости отобрали две скульптуры. Было решено: повезут их на волокушах. Такое не впервой!

...Может быть, так, а возможно, иначе велись подобные переговоры. Ясно одно, что не только культовые сооружения были главным в далеком прошлом этого участка Урала. И не исключено, что рассказы о богатствах ваятелей камня, собиравших большие деньги за свои произведения, породили и легенды о Золотой Бабе, якобы хранимой мастерами в своих подземельях.

Один из замечательных природных музеев Урала открыл жителям европейских стран немецкий купец Менге из города Любека.

...Почти на версту растянулись подводы с грузом торговца Менге. В 1824 году он возвращался домой с далекого Урала. Купец ехал в переднем возке. Замыкающим караван был его приказчик и слуга со странным именем Мишель Байкá. Русского солдата подобрали раненым в 1814 году, когда армия Беннигсена освобождала окрестности городов Любека и Гамбурга от войск маршала Даву. Подлечившись, солдат остался жить на чужбине.

Мишель Байкá оправдывал свое прозвище. По поводу и без повода он рассказывал забавные истории — байки. Переделанное на французский лад слово «байка» и стало ему вторым именем.

С детства запали в душу Менге байки Мишеля. Вот и сейчас, подъезжая к границам Российской империи, Менге вспомнил, как и почему он оказался на Урале. Один из рассказов Мишеля касался переработки невзрачного дымчатого хрусталя в великолепный ограночный камень ярко-желтого цвета.

Менге вынул из походной сумы свою памятную книж-

ку и заново перечитал записанный со слов Байки рассказ:

«— Слушай,— говорил густым басом Мишель,— возьми дымчатый скварец в руку, прочти отче-наш и закатай под слова молитвы сей камень в самое обычное тесто. Выжди, когда испечется хлеб. Дай ему остыть. И тогда, разломив хлеб, увидишь, что вместо скварца в хлебе будет сверкать драгоценный камень золотистого цвета».

На время убрав тетрадь с записями, Менге стал вспоминать, сколько везет он в родной Любек этого дымчатого хрусталя. Можно у себя дома открыть мастерскую по переработке камня. Менге даже ощутил в руках хруст ассигнаций и звон того золота, которое он получит за изготовленные им камни. В каждой из подвод, вместе с другими минералами, находились купленные на Урале глыбы горного хрусталя.

Внезапно возки остановились. К купцу подбежал верный слуга Мишель и взволнованным басом загудел:

— Слушай, что я скажу тебе. Близко граница. Таможенники могут подумать, что ты везешь клад. Давай остановимся ночевать здесь. За время ночевки я прикажу от твоего имени, чтобы возчики вымарали в грязи все камни. Приедем домой в Любек, отмоем.

Менге последовал его совету: ведь Мишель обычно давал только дельные советы. Увидев вымаранные камни, таможенники не стали в них рыться. Пропустили груз, взяв за всю эту грязь небольшую пошлину.

Когда таможенники остались позади, Менге вновь вынул заветную тетрадь и погрузился в воспоминания.

«Я расскажу тебе быть о камне необычайной судьбы,— так начал когда-то удивительную легенду Мишель. Эта легенда, выслушанная в детстве, перевернула всю жизнь Менге, заставив его следовать по начертанному пути.— Много, много веков назад в горной стране жил могущественный Правитель. Отгородившись стеной от народа, он думал только о себе. Как у страшного василиска, взгляд его был смертельным».

Менге отчетливо вспомнил этот рассказ. Тогда, обратившись весь во внимание, он недовольно передернул плечами: ему было незнакомо это слово.

«— Постой. Ты не знаешь ничего о василиске? Так слушай. Это самый страшный из всех зверей. И рожден он необычно. В глухую полночь, перед новолунием, старый-престарый петух перед смертью забрался в горы и снес в навозную жижу корявое с колючками яйцо. Подхваченное змеями, яйцо петуха попало в трясину, а там его высидела противная жаба. Под свист ураганного ветра из яйца вылез исполин с головой петуха, телом жабы и хвостом змеи. Говорят, что глаза его испускали синий луч, убивавший все на свете: людей, животных, цветы, деревья. Это был василиск».

Маленький Менге, затаив дыхание, слушал рассказчика. А Мишель продолжал, как бы не замечая волнения слушателя:

«— Чтобы заманить людей в свое логово, василиск принимал вид синеокой царь-девы. Кто хоть раз заглянул в ее очи, тот отрекался от мира и шел за ней на край света. Но сплоховал однажды василиск. Не заметил у нового избранника маленькое зеркальце. И когда, обернувшись в страшного зверя, он посмотрел на удальца, то смертоносным взором уперся в свое изображение. С диким воем сдох от собственного взгляда василиск и тут же превратился в камень. Но и для удальца не прошло все это даром. Он тоже врос в землю. Луч солнца, отразившись в зеркальце, тоже окаменел, обратившись в солнечный камень. Постепенно зарастало то место. Только из-под мха порой переключались друг с другом два луча: васильковый да солнечный».

На какое-то время Мишель прекратил свой рассказ, чтобы дать возможность юному другу опомниться.

«— Так вот, слушай... до ушей грозного Правителя дошла быль о васильковом и солнечном камнях. Послал он своих слуг, чтобы разыскали они каменное диво, свет от

которого не только перекликается с солнечным, но даже соперничает с его, Правителя, взором. Рассказывают, что одному из доверенных Правителя удалось найти васильковый и солнечный камни. Привел он своего хозяина в это место. Но когда скрестились два луча — Правителя и окаменевшего василиска, раздался страшной силы взрыв. Исчезли и Правитель и камень».

Маленький Менге всегда в этом месте теребил рассказчика, спрашивая, где же, где находится это место?

«— Слушай, мой милый. Я знаю это место. Оно в глуши Уральских гор. Вот вырастешь, мы поедем туда с тобой. Мой дед рассказывал мне, как найти это место. Научил он меня и тем волшебным действиям, которые помогают при поисках драгоценных камней. Обучить тебя этому я не могу. Но показать на деле сумею».

...Тыльной стороной руки провел Менге по лбу. Сразу отошли все воспоминания. Он стал думать о том, что ему предстоит делать на родине. Как сбывать собранный товар?

А товар купец Менге подобрал с помощью Мишеля совершенно необычный. Его помощник действительно указал ему необыкновенное место. И опять нахлынули воспоминания...

Вот он пробирается в глубочайшие таежные дебри. По каким-то известным только Мишелю тропам добрались они до сверкающего необычной красотой царства. Поляна, на которую вывел купца Мишель, казалась сплошной елочной игрушкой, только огромных размеров. В солнечный яркий день все здесь переливалось и горело нестерпимым ярким блеском.

— Что это? — спросил растерянный Менге. — Солнечный камень из сказки?

— Нет, — ответил Мишель. — Здесь исстари добывают слюду. То, что сверкает и горит на солнце, это остатки тех крупных камней, которые увезли отсюда слюдяники. В хоромах наших царей первые стекла были из этой слюды. Итальянцы зовут этот камень мусковитом, от слова

«муску» — Москва. Московский камень. Солнечный камень еще впереди. Давай наберем здесь слюдяных камней.

Пока они работали, к ним стали подходить люди. Они были бедно одеты, выглядели изможденными. По совету Мишеля нанял Менге всех этих людей в работники.

В тех местах, где указывал Мишель, они рыли землю. И действительно, так получалось, что сразу попадали на нужную жилу и извлекали из земли то, что они называли ласковым словом «занорыш».

Менге присутствовал при выемке клада из одного занорыща. В мягкой глине лежали сверкающие самоцветы. А сама глина заполняла, как правило, большой котел, стенки которого были покрыты щетками таких же сверкающих радостных камней.

Понемногу собирались сокровища. Менге приказал построить амбар, в котором хранилось все наиболее ценное. Ему уже не хватало знаний, чтобы назвать многие из собранных камней. А они все шли и шли к нему из разных жил. Это был нескончаемый поток драгоценностей.

Несколько раз Менге просил Мишеля показать ему, как ищут занорыши. Мишель, как правило, отшучивался. Обещал... Но рано утром отправлялся на поиск один.

Лишь однажды удалось подсмотреть купцу, как работал Мишель. Он увидел в руках своего слуги маленькую палочку. С этой палочкой Мишель шел по прямой. Вдруг палочка приподнялась. Здесь Мишель остановился и сделал зарубку на дереве. Менге вспомнил, что такие зарубки он видел в местах разработки занорышей в жилах. Осенив себя крестным знаменем, Менге пошел отсюда прочь. «Не иначе, — думал он, — нечистый помогает Мишелю. Ну да ладно. Если это содействует успеху, пусть поработает и нечистый».

Однажды Мишель пришел к Менге взволнованным. В его руках был маленький камешек, золотыми переливами сверкавший на солнце. Даже Менге, никогда не видевший до этого ничего подобного, сказал:

— Солнечный камень?

— Да!..

— Значит, где-то поблизости должен лежать васильковый камень?

— Да, да!

Стало ясно, что они близки к завершению работ. Вот найдут заветные камни и тронутся в обратный путь. Менге приказал Мишелю, чтобы тот начал сговаривать мужиков организовать караван, с которым можно будет увезти добычу в далекий родной Любек.

И вот наконец свершилось! Найдена васильковая жила. В верхней ее части показались бочонковидные кристаллы синих корундов. И однажды сам Менге, разбивая кувалдой глыбу, обнаружил нечто, сверкнувшее густо-синим цветом. Наученный Мишелем, он знал, что камень нельзя сразу подставлять воздействию влаги, ветра и солнца. Растрескается от этого камень. Надо выждать, чтобы горная влага медленно удалась из породы.

Но Менге не терпелось. Он знал, что драгоценные камни следует просматривать в полной темноте, при свете тлеющей ветоши. Забравшись в подвал, он развернул тряпицу со своей добычей, высек кресалом искру, затеплил, зажег огонек свернутой в трубку тряпицы, раздул пламя.

И Менге обомлел... Из глубины камня вырвался васильковый луч. Этот луч завораживал, дразнил, манил в далекие страны. Менге знал, что это признак настоящего драгоценного камня. В его руках чудо света — васильковый сапфир! Камень волшебных грез!

Еще поработав на корундовой копи, Менге набрал несколько таких чудесных камней. Он знал, что сапфиры, как и рубины, являются соперниками алмаза. Он предвкушал большие барыши...

Наконец работы закончены. Все пересчитано, запаковано, подготовлено к далекому пути. Караван тронулся в путь.

Всю дорогу Менге высчитывал барыши. Он знал, что никто до него не привозил в Европу такой товар. Грызло сомнение: удастся ли выгодно продать собранные камни? Решил, что свою добычу он привезет не в Любек, а прямо в Берлин. Там сначала покажет свои сборы лучшим знатокам камня. Они помогут оценить собранное. Только после этого можно будет приступить к распродаже.

И вот наконец Берлин. Менге посоветовали обратиться к молодому, приобретающему известность профессору минералогии Густаву Розе. Этот ученый вел специальный курс в Берлинском университете и отлично знал минералогию.

Розе ахнул, увидев собранные Менге сокровища.

— Это открытие века,— кричал взволнованный ученый.— Никто никогда не мог предполагать, что в такой дикой стране, как Россия, сосредоточены такие перлы!

Оказалось, что Менге привез много неизвестного науке. Розе впервые держал в руках минерал, получивший позднее название нефелина, или элеолита. Вместе с нефелином насчитывалось еще не менее десяти неизвестных минералов. Наряду с ними в собрании Менге были всем известные хрустали, бериллы, топазы и многие другие камни.

Самым главным при этом было то, что таких великолепных форм кристаллов наука не знала до сих пор. Это были образцы, достойные занять место в лучших музеях мира!

Действительно, вся Европа была заморожена собранием камней купца Менге. На какое-то время он стал самым знаменитым человеком в Европе. Увидеться с ним домогались знатные особы и представители крупнейших музеев Европы...

Таким вот путем и попали в лучшие музеи Европы и в княжеские коллекции великолепнейшие штуфы минералов из Ильмен.

Впечатление, которое произвели эти коллекции, было

равносильно разорвавшейся бомбе. Многие путешественники под влиянием виденного отправились на далекий Урал и в Сибирь, чтобы приобщиться к этим сказочным богатствам. Поехал на Урал и Густав Розе. Он входил в свиту знаменитейшего исследователя тех времен академика Гумбольдта. Вернувшись из поездки, Розе, совместно с Гумбольдтом и Эренбергом, написал об этом научный трактат, долгое время служивший основным пособием по географии и минералогии Урала и Сибири.

Ну а что же стало с истинным первооткрывателем Ильмен Мишелем Байкá? Что с ним случилось? Получил он славу и деньги?

История затеряла имя этого первооткрывателя. О нем не упоминает в своей книге даже сам Менге. Ходили слухи, что, вернувшись в родной Любек, Менге первым делом отправился в знаменитый храм святой Марии, построенной в XIII веке. Его привлекал не только внешний вид этого храма с двумя башнями. На фронтонах церкви стояли статуи из камня, дерева и металла. Менге вызвал господина кюре и исповедался в своих грехах. Главным грехом он считал связь с человеком, знавшим дьявола. Этот человек, его слуга, с помощью козней нечистого вел поиск камней на Урале.

Выслушав Менге и отпустив ему грехи, кюре спешно сообщил кому следует о человеке, «знавшем нечистого».

Говорят, что через некоторое время полиция арестовала Мишеля Байкá. Что с ним стало после ареста? История не дает ответа на этот вопрос.

В верховьях реки Миасс, более чем на полсотни километров, растянулись Ильменские горы. Располагаясь в восточной части Южного Урала, эти горы примыкают к гигантской равнине Западной Сибири. Здесь сохранились многочисленные озера: Ильменское, Аргаяш, Малый Кисегач, Большое Миассово и другие.

После блистательного рейда купца Менге в Ильменский край хлынул разнообразный люд. Большой частью это были любители легкой наживы и фарта. Покопавшись в отвалах горных выработок Менге, они извлекали оттуда топазы, бериллы, горные хрустали и несли все это перекупщикам в город Миасс.

Городишко Миасс был небольшим, создан одним из промышленников в 1773 году по недоразумению. Показалось этому деятелю, что здесь можно соорудить медный завод и получать большую прибыль от этого. Он и начал строить, не считаясь с тем, что здесь нет медной руды. Заводские постройки вскоре были заброшены. Промышленник прогорел, а город остался.

В Миасс стекалось много любителей легкого заработка. Здесь можно было купить муку и сухари, заполучить нехитрую снасть. В тайге, если ты с умом, нетрудно прокормиться охотой и рыбной ловлей. В озерах тогда было видимо-невидимо разной рыбы.

Снаряженные кирками, кувалдами, клиньями и лопатами, артели бродили в поисках фарта. Некоторые нашли россыпное золото. Другие работали в Ильменских горах, рассчитывая встретить там такие же сокровища, которые увез отсюда немецкий купец.

Большинство не добилося успеха. Да и как найти занорыши с самоцветами? Среди таежного бурелома не так просто обнаружить ту единственную точку, в которой следует заложить шурф. При горной выработке вскрывался сначала почвенный слой. Затем шли разрушенные выветриванием горные породы. А после врезались в сплошные скальные грунты.

Сколько же нужно пробивать скалу? Аршин? Пять аршин? Десять?

Каждый шаг в такой горной выработке давался с трудом. Надо, воткнув в трещину клин, бить по нему до изнеможения кувалдой. Это и называется романтикой поиска? Размахнулся — и бух... Снова размахнулся — бух...

Рождаются ли при этом каменные грезы? Может ли поисковик думать о красоте драгоценных камней?

Вряд ли! Размахнулся — и бух... И так каждый день, каждый месяц...

Сколько же надо сделать ударов?

Вот тут-то и вспоминали про работу удачливых. Рассуждали во время короткого перекура:

— Как могли удачливые люди так посадить копь, что она попадала, без пристрелки, прямо на занорыш?

И ведь знали эти фартовые люди, что копь войдет в занорыш на третьем или пятом аршине. Как?

Расспрашивали удачливых. Те молчали — конкуренция. Зачем раскрывать секреты? Если ты неудачник — иди в хиту. Хитник — это грабитель, вор, хищник. Что найдет — пропьет. А сопьется — туда ему и дорога.

Одному из удачливых поисковиков удалось в 1784 году найти жилу амазонита. Камня нежно-лазоревого, фисташкового цвета. Этот камень залегал большим массивом — мощной жилой.

Привезли этот камень в Екатеринбург. Показали на гранильной фабрике. Камень понравился. Велели привезти крупные монолиты. Задумали из них сделать для царя вазы. Монолиты должны быть без единой трещинки. А весить? А весить тонн десять-двадцать.

На амазонитовой копи работала большая артель. Часть людей добывала монолиты. Другая часть трудилась на доставке каменных глыб в столицу Урала. Шутка ли, такую махину передвинуть на двести верст!

Так шли десятилетия... С начала открытия ильменских сокровищ до Великой Октябрьской революции поисковики вырыли около полутора ста копей. Во многих из них были вскрыты богатейшие залежи драгоценных и коллекционных минералов. Об ильменских богатствах слагались легенды. Одну из них записал уральский сказочник Павел Петрович Бажов. Его сказ так и называется: «Солнечный камень».

В сказе выведены два рачительных «артельных братья» Максим Вахоня и Садык Узеев. После революции они приехали в Ильмены, а там полно хиты. Хитники перерывали все копи, чтобы добыть камня хотя бы на несколько рублишек.

И задумали энтузиасты Ильмен сохранить для народа сокровища недр этого края. Недолго думая они набрали полные котомки камней и отправились в Москву, к самому Ленину. Упорные были старички. Сумели пробраться в Кремль. Стали они показывать камни Ленину.

Вот Садык Узеев «развязал свой мешок и давай камнями на стол выбрасывать, а сам приговаривает:

— Амазон-каминь, калумбит-каминь, лабрадор-каминь...

Владимир Ильич удивился:

— У вас, смотрю, из разных стран камни.

— Так, бачка Ленин! Правда говоришь. Со всякой стороны каминь сбежался. Каменный мозг-каминь и тот есть. В Еремеевской яме солнечный каминь находили.

Владимир Ильич тут улыбнулся и говорит:

— Каменный мозг нам, пожалуй, ни к чему. Этого добра и без горы найдется. А вот солнечный камень нужен. Веселее с ним жить».

Владимир Ильич велел все камни переписать и строгий декрет изготовить, «чтоб на Ильменских горах всю хиту прекратить и место это заповедным сделать».

След старичков после этого затерялся. Где они сложили свои головы? Может быть, наняли их сторожами в заповедник? В одном из музеев Москвы хранятся минералы, доставленные всесоюзному старосте — Михаилу Ивановичу Калинин. Возможно, что этот факт и лежит в основе произведения Бажова.

На самом же деле организация Ильменского заповедника была подготовлена энтузиастами-учеными, среди которых сохранились имена академика А. Е. Ферсмана и профессора Н. М. Федоровского, бывшего тогда начальником Горного отдела.

Это не значит, конечно, что Ферсман и Федоровский единолично изучали минералогию Ильменских гор. В научных трактатах называют имена многих исследователей, трудившихся здесь в разные годы. Это Г. Шуровский, И. Мушкетов, К. Мельников и многие другие.

И вот 14 мая 1920 года Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Ульяновым (Лениным) был подписан следующий декрет:

«Ввиду исключительного научного значения Ильменских гор на Южном Урале... Совет Народных Комиссаров постановляет объявить отдельные участки Ильменских гор... Государственным Минералогическим Заповедником, т. е. национальным достоянием, предназначенным исключительно для выполнения научных задач страны».

Государственным заповедником! Минералогическим! Таких заповедников нет нигде в мире. Эти слова ленинского декрета ясно очертили круг задач, которые должны выполняться в Ильменах.

В 1938 году мне впервые удалось побывать в Ильменском заповеднике. Вместе с женой (тоже геологом) мы решили осматривать копь за копью.

Нам показали прежде всего те участки, которые демонстрировались год назад делегатам XVII Международного геологического конгресса. Сюда приехали геологи 50 стран мира. Они решили воочию увидеть то чудо, которое поразило в прошлом столетии всю просвещенную Европу. Геологам мира было интересно посмотреть тот «центр каменных грез», откуда купец Менге привез такие удивительные минералы.

Должен сказать, общий вид минералогического заповедника нас разочаровал. Среди соснового и березового леса изредка встречаются ямы — те горные выработки, в которых добывались минералы. Около каждой из них на деревянном щите были выписаны главнейшие данные, характеризующие геологию и минералогию участка.

Рядом с выработкой располагались отвалы, выброшен-

ные при проходке шурфа. Вот в этих отвалах и можно было встретить все минералы, перечисленные на щите. Руководствуясь путеводителем, а также геологической картой, мы легко находили нужную копь.

Впечатление о невыразительности облика заповедника испытывали не только мы. Позднее нам приходилось встречаться с кинематографистами, желавшими увековечить эту часть Урала в фильме. Однако и с их точки зрения заповедник не представлял интереса для съемок, «был не киногоничен».

Вместе с туристами, под руководством опытных экскурсоводов, мы совершали увлекательнейшие походы и вскоре уже не обращали внимания на кажущуюся невзрачность пейзажей. Обилие минералов и доступность их для обозрения заполнили все мысли.

Поднимались мы и на Ильментау, возвышающуюся над уровнем моря на 747 метров. С вершины этой горы открывался вид на гигантскую равнину. Только тут мы стали понимать масштабы того моря, которое располагалось к востоку от Уральских гор. Специалисты утверждают, что около 30 миллионов лет назад море здесь было теплым. По берегам росли мирты и пальмы. А миллион лет назад в этих местах бродили мамонты и шерстистые носороги.

Но главное, конечно, было в разнообразии минералов. В нашей коллекции, как особый раритет, хранится разновидность слюды, носящая название Барботов Глаз. Взяли мы этот образец в отвалах одной из копей. Назван минерал в честь крупного геолога Барбота де Марни. Кусок слюды похож на глаз. Имеет сферическую поверхность, противоположанную для кристаллов слюды. Как возник такой раритет? Какие законы управляли формированием этой разновидности? Ответы на эти вопросы пока можно дать в научных фантазиях, в грезах.

Обильно представлены в пегматитах Ильмен разнообразные полевые шпаты. Нашли мы и солнечный и лунный

камни. Из уст в уста среди туристов передавалась легенда об этих камнях.

Много-много лет назад, гласит легенда, жили две сестры невиданной красоты. Одна из них была ярче и краше самого Солнца. Глаза другой, младшей, тихим светом своим напоминали сияние Луны.

Рядом с ними жил красавец — башкирский джигит. Полюбила его младшая. Ему же запал в душу огневой взор ее старшей сестры. Густо-синие искры вспыхивали в его глазах, когда смотрел он на нее, и равнодушно отводил он взгляд от лунных очей младшей.

Младшая, выплавав глаза, сразу в землю ушла. Загоревала и недолго пережила ее старшая.

А красавец джигит покинул родимые уральские края и сложил свою голову где-то на Украине.

Немного воды утекло с тех пор. На родной земле стали находить камни красоты невиданной. Один из них — **солнечный**. **Огненными переливами** сверкают в нем солнечные блики. Другой камень — лунный. Нежно-голубым, ласковым отливом озаряет он душу того, кому посчастливится его найти.

Чаще всего встречаются лунный и солнечный камень вместе друг с другом.

А на Украине, говорят, находят родственный ему камень. Зовут его лабрадором. Переливчатым густо-синим светом загорается он на солнце и кажется серым и невзрачным при лунном свете.

...Были мы и на корундовой копи. Всех захватило стремление найти васильковый сапфир. Попадались голубоватые бочонковидные кристаллы корунда, но василькового сапфира встретить не удавалось.

Некоторые туристы подбирали цветовую гамму минералов. Почти все цвета спектра можно найти среди минералов Ильмен. Нет только красного и фиолетового. Зато часто попадались ярко-желтый — канкринит, зеленый — густоокрашенные кристаллы амазонита, голубой — берилл

и аквамарин, синий — содалит, к этой цветовой гамме можно добавить кристаллы белой и черной слюды.

Нагруженные удивительно красивыми, сверкающими разноцветной гаммой красок минералами с диковинными названиями, мы вернулись домой. Да, перед нами действительно раскрылась кладовая уральских недр!

Что же поражает больше всего в Ильменском заповеднике? Расположение копей без предварительных закупок. Горные выработки закладывались здесь прямо на пегматитовых жилах! Без пристрелки.

Как?

Об этом мы также слышали достаточно легенд. Живым человеком, про которого рассказывались сказки, был горщик со странным именем Притча. Так его прозвали за обилие присказок, которыми он прикрывал нежелание говорить о своих методах и приемах работы.

Притча часто приходил к геологам. Особенно когда был, как говорят, на мели и ему требовались деньги. Вот тогда он открывал какой-либо из своих многочисленных секретов. За небольшую сумму он продавал «жилку» — пегматитовую или какую-либо другую.

Однажды, об этом мне рассказывал мой друг геолог М. Исаков, работавший в смежных с Ильменами Вишневых горах, Притча проговорился.

— Знаешь, — сказал Притча геологу, — палочка-то меня увела по жилке с Вишневых на Ильменские горы.

— Какая палочка? — спросил Исаков.

В ответ Притча стал рассказывать о чем-то непонятном, похожем на нравоучительную притчу о волшебной палочке.

Кто знает, не был ли Притча одним из династии, из которой вышел и Мишель Байка? Может быть, действительно на Урале работали рудознатцы, владевшие древним секретом поисков воды, руд, золота, драгоценных камней?

— Кто знает?..

Природные музеи встречаются на Урале буквально на каждом шагу. Вот что можно увидеть в любой, даже случайно выбранной точке.

Однажды ко мне пришли редактор и режиссер телестудии. Я знал, что это значит — надо выступить по телевидению. Подготовка к выступлению каждый раз отнимает много времени и сил. Но тема была необычной и дразнила своей сложностью, а в связи с этим и интересом. Предстояло провести одну из пробных цветных и объемных передач.

Тогда уже начали выпускать приставку к обычным телевизорам, с помощью которой осуществлялось и цветное и объемное видение. Я, как и многие другие, тоже купил эту несложную игрушку и с удовольствием смотрел пробные передачи телецентра. Они были тем занимательны, что, как и всякие пробные передачи, что-нибудь да путали: то нос у лектора был очень красным, то платье на артистке перекрашивалось самым необыкновенным образом. А мы потешались.

Однако слушать и смотреть — это одно, а вот самому выступать... Но работники телевидения сумеют убедить даже камень, а я все-таки не каменный, хоть и имел всю жизнь дело с камнями. В результате я не удержался от соблазна и решился истратить небольшой резерв свободного времени, который все же у меня оставался. Дело в том, что и у нас в геологии была любопытная новинка, которую тоже только что изготовили конструкторы по созданию новых видов оборудования. Это был микротелеглаз, опускаемый в скважину. Он представлял замечательное приспособление, облегчающее труд геологов.

Раньше у каждого из нас всегда возникало желание: вот бы забраться в скважину да посмотреть хоть одним глазком на те породы, которые сейчас проходит станок. Но нет, нужно ждать, когда мастер поднимает колонну труб и рабочие разложат перед вами куски поднятой с глубины породы.

А теперь с помощью микротелеглаза можно увидеть все, что находится в забое.

Микротелеглаз помещался во внешней части буровой штанги. По команде сверху он мог вращаться и осматривать все затрубное пространство. Мощные фары давали достаточно яркое освещение. Отличные оптические линзы и электронные преобразователи позволяли получать почти любое необходимое увеличение. Стекла микротелеглаза и фрезы были защищены прозрачным чехлом из особой пластмассы, обладавшей твердостью, близкой к алмазу.

Мы решили выбрать для демонстрации участок устьевой зоны речки Мельковки, впадающей, вернее, впадавшей в городской пруд. Теперь она навечно заключена в трубы. Это здесь, по свидетельству Мамина-Сибиряка, в 1813 году крепостная девушка Екатерина Богданова нашла золотой самородок. Девушку вместе с самородком доставили к управителю заводов. По закону того времени у владельцев завода могли отобрать в казну всю территорию, на которой найдено золото. Управляющий решил пресечь все возможности такого исхода. Самородок он отобрал, а Екатерину Богданову приказал высечь, чтобы впредь ей неповадно было заниматься подобными «еретическими» делами.

Сюда-то мы и привезли наш буровой станок. На специальных машинах к этому же месту подъехала ПТС — передвижная телевизионная станция.

Потеснив купающихся и загорающих, мы начали бурение. Легко врезалась в речные пески буровая сталь. На первом же полуметре станок был остановлен. Нам не терпелось поскорее включить микротелеглаз.

Я перешел в вагончик ПТС и стал следить за рассказом телеглаза.

Открылся непривычный нам мир. В ярком свете фар вырисовывались его контуры. Вот сфокусировались и стали отчетливо видны громады молочно-белых и дымчатых прозрачных глыб. Одни из них имели пилообразные

края, другие оканчивались острыми пирамидальными вершинами, третьи были сглажены, как ледяные сосульки.

Неровности очертаний создали между глыбами таинственные пещеры. Даже сильный свет фар терялся в их глубине. Вечной тишиной веяло от этого странного мира.

Невольно думалось: может быть, здесь находится та сказочная пещера Сто Голов, которую витязи охраняли даже после своей смерти? Не в этих ли черных падах зарыты несметные сокровища покорителя Сибири Ермака? Говорят, надо сказать зачатое слово, и откроются богатства, заключенные в ее недрах.

Медленно вращался телеглаз, выхватывая одну за другой «страницы» фантастических, кажущихся нереальными панорам. Вот такими рисуют фантасты картины далеких миров. Для покорения их надо преодолеть тяготение и месяцами лететь в Космосе. А тут в центре крупнейшего города Урала мы почти мгновенно погрузились в этот сказочный мир.

Вдруг в секторе обзора что-то ярко сверкнуло. На мгновение вспыхнули кроваво-красные тона, а потом снова все застала тьма.

Я дал команду остановить обзор и сфокусировать установку на необычном объекте. И вот перед нами вытянулась гигантская балка со штрихованными плоскостями. Она заполнила почти все пространство экрана. Снизу ее подпирали дымчатые полупрозрачные горные хрустали, верх терялся во мгле.

Пучок света одной из фар телеглаза по нашей команде стал огибать балку, как бы ощупывая ее. Вместе с ним я проник во тьму и получил возможность оценить объем этой новой глыбы. И вдруг снова все залил густой кроваво-красный огонь. Это удалось взять на просвет один из участков балки.

И форма, и облик кристалла, и его цвет свидетельствовали о том, что перед нами был редкий кристалл бруки́та — одной из разновидностей двуокиси титана. Попада-

ясь ничтожно малыми крупинками, он не имеет никакой ценности. Там же, где брукит встречается в больших скоплениях, он представляет великолепную руду на титан.

Снова в путь. Но, видно, в верхней части речных песков пляжа встречается мало интересных минералов. На «экране» опять панорамировались сочетания фантастических глыб кварца различных оттенков и разнообразных очертаний. Я дал команду отключить телеглаз и пробурить еще один метр.

После необычных рисунков подземелий стали видимыми привычные контуры стадиона «Динамо»; аппарат, находящийся на поверхности, показал загорелых людей, греющихся на пляже. Мирной и обычной выглядела и наша передвижная буровая установка.

Механический переносной бур, приводимый в движение небольшим мотором, работающим на сильной аккумуляторной установке, легко врезался в рыхлые грунты. И несмотря на то, что на пути бура встретились два или три валуна, он легко прошел сквозь них.

И вот снова остановлено бурение. Не терпелось скорее включить микротелеглаз и посмотреть облик грунтов на этой глубине.

Бур был остановлен удачно. Микропанорама неузнаваемо изменилась. Мы вошли в неповторимую по красоте гамму цветов. Все оттенки спектра засверкали, заискрились, завораживая своим блеском.

Но довольно эмоций. Моя задача — разобраться в этой гамме красок и поставить все на свои места.

Панорама была остановлена вблизи прозрачной глыбы, в полуокатанных, сглаженных очертаниях которой отчетливо были видны углы, грани и ребра, складывающиеся в ромбопирамидальный многогранник.

В этой глыбе преобладал оливково-зеленый цвет. На некоторых гранях просматривался золотистый оттенок. Местами глыба сверкала интенсивно-зеленым цветом, он был приурочен к двум-трем граням.

— Уж не изумруд ли это? — тихо спросил кто-то. Нет, это был не изумруд. Так выглядит минерал оливин. За золотистый оттенок его называли хризолитом («хризос» — по-гречески «золото»).

Чудесны силы природы. На образование оливина потрачен тот же кремнезем, что и в кварце, и немного железа с магнием. Но при формировании оливина кремнезема не хватило. И природой здесь была построена сложная кристаллическая решетка. В ней кремний соединился не с двумя атомами кислорода (как в кварце), а с четырьмя. Магний и железо прочно сцепились с таким каркасом. Получилось новое соединение, свойственное только тем типам пород, в состав которых входит мало кремния. Здесь силы природы подчинились закону экономии материала при формировании горных пород.

Оливин, находящийся перед нами, усиливает свой зеленый цвет за счет того, что по микроскопическим трещинкам в нем стал развиваться темно-зеленый минерал — серпентин.

Вот такие прозрачные хризолиты-оливины уральские ювелиры вставляют в кольца, броши, украшают ими узоры кулонов. Если же встречаются крупные скопления оливина, то минерал употребляют на изготовление огнеупорных кирпичей. На Урале имеются такие скопления оливина в районе Нижнего Тагила.

Панорама медленно поползла дальше. Ушел из поля зрения оливин-хризолит. Его место заняла живописная группа, в центре которой был отчетливо виден могильный лютеранский крест.

Крест возник из сдвоенных кристаллов ставролита, тоже, как и оливин, принадлежащего к классу силикатов. В каркасе атомной решетки ставролита в еще более сложное сцепление соединены кремний, кислород, железо, алюминий и водород.

Много других диковинных камней перенес на экран телеглаз. Но организаторы просмотра торопились. Им не

терпелось посмотреть на экране золото. Они мечтали увидеть «царя металлов» в естественной обстановке.

Опять панорамой прошлись над пляжем и буровой установкой. Вечерело. Даже самые заядлые любители пляжа покинули территорию стадиона и набережной. Только немногие любопытные стояли около установки. Было тихо.

Еще несколько оборотов — и бур врезался в плотное ложе россыпи. Здесь, в нижней части песчаных накоплений пляжа, могут лежать и золотые самородки. А нашему микротелеглазу даже соринка покажется гигантской глыбой.

Опять отправился в путь микротелеглаз. И снова застряло на экране. Но сейчас не было ярких красок. Преобладали мрачные черные и темно-бурые расцветки.

Как циклопические постройки, высились и громоздились здесь октаэдры и ромбододекаэдры железно-черных кристаллов. Грани некоторых из них были исчерчены штриховкой, параллельной диагоналям ромбов. На других гранях просматривался синевато-сизый отлив.

Перед нами были скопления магнетита — окисла железа, спутника золота в россыпях. В больших природных скоплениях магнетит представляет лучшую железную руду. Здесь же практическая ценность магнетита равняется нулю: его слишком мало.

И вдруг среди кристаллов магнетита показался предмет необычной формы. Это был идеальный металлический шар. Такие включения иногда попадают в россыпи из Космоса. Это был типичный метеоритный шарик из никелистого самородного железа. Размером он был всего лишь в несколько долей миллиметра. Здесь же он казался гигантским.

Рядом с метеоритным шариком и октаэдрами магнетита, как бы подчеркивая геометричность этого мира, располагался идеальный куб. Он был светло-латунно-желтым. Мои друзья радостно воскликнули: «Золото!»

Нет, это был только пирит — сернистое железо, обычный спутник золота. Неопытные люди иногда принимают его за драгоценный металл. Вот, например, в очень старой кинокартине «Искатели счастья» один из персонажей фильма чуть-чуть не стал убийцей из-за пирита, принятого им за золото.

Снова фары микротелеустановки выхватили из тьмы скопления кристаллов магнетита. Но вот наконец и золото.

Его тусклые округлые комочки как-то не сразу привлекали внимание операторов и режиссеров. Это был обычный «пластовый металл» в виде окатанной, округленной лепешки. Поверхность лепешки была неровной, с многочисленными бороздками и углублениями.

Увиденный перед этим кристалл пирита оставлял более яркое впечатление. Здесь же перед нами лежала матовая золотисто-желтая глыбка. И это то, за чем мы столько времени охотились.

Мои спутники как-то сникли, заторопились. Они объявили, что передача закончена.

Надо ли добавлять, что все рассказанное — только греза, но основанная на реальных фактах. Не существует пока объемного телевидения. Пока... Но я уверен, недалеко то время, когда такие или подобные установки будут созданы. Они устремятся в недра Земли, открывая людям скрытые там богатства.

«Заражены» камнем

Немало каменных раритетов хранится в частных коллекциях. О них и пойдет дальше наш рассказ.

Среди любителей камня я встречал тех, кто не представляет свою жизнь вне своих коллекций. Таким людям камни дают возможность грезить и через прозрачные грани минерала рассматривать окружающий их мир.

...Вечер. В поезде дальнего следования установился обычный дорожный порядок. Пассажиры разместились в купе. Более или менее обжились. Вытащили снедь.

За едой начался неторопливый разговор. Первым делом обменялись впечатлениями о событиях дня. Потом пошли разговоры о Москве. Суматошная она. Не дает человеку опомниться. Лучше пореже ездить в командировки. А потом много заказов от родных, знакомых, близких. Все надо найти. Купить. Как же домой возвратишься без подарка...

На свет были вытащены эти подарки. А среди них шкатулка с замысловатой палехской росписью.

— Это дочке. Она заказывала. Здесь у нее будет храниться ее коллекция камней.

Понемногу стало выясняться, что все попутчики, в большей или меньшей степени, заражены камнем.

Вспомнилось ферсмановское: «Собиратели минералогических коллекций, в ряду других «любителей», вероятно, займут не последнее место. Прежде всего коллекционерство — страсть, доходящая до слабости, как всякая страсть. Иногда два-три камня, подаренных совершенно невинному человеку каким-нибудь знакомым, служат началом «каменной болезни». Замечу кстати, что минералогически-специалисты подвержены этой болезни сравнительно

менее, чем люди просто «из публики», непричастные к минералогии».

Я не ошибусь, если скажу, что каждый второй из числа тех, с которыми мне приходилось беседовать, в той или иной мере «заражен камнем».

Ферсман далее писал: «В числе таких минералогов-добровольцев я знаю лиц всевозможных профессий: касир, железнодорожный служащий, священник, доктор, техник, «лицо» прокурорского надзора, маленький чиновник, прасол и т. д. Потом еще особенность: у нас на Урале большинство таких коллекционеров — не местные жители, а приезжие лица».

Пришел я как-то к нашему шоферу. В просторной прихожей на самом видном месте стоит шкаф, застекленный сверху донизу. Внутри трубки — лампы дневного света. А на стеклянных полочках целый музей! Чего-чего только не было в нем! Много кристаллов кварца и пирита. Да таких, что не встретишь подобной роскоши в настоящих музейных коллекциях. А затем яшмы, арагониты, агаты...

Каждый камешек в такой «шкатулке драгоценностей» положен с особой тщательностью. Видно, что здесь нет царства пыли. Все коллекции тщательно протираются и любовно перекладываются. Каждый камень из коллекции — каменная греза!

Около такой «шкатулки» мы разговорились с ее хозяином. Оказывается, много камней собрано им лично. В свободное от работы время он ездит с друзьями в зоны классических месторождений коллекционного камня.

— Нет, нет,— уверял меня собеседник.— Меня не интересует денежная ценность камня. Здесь нечто другое. Смотрите.

И он вынул из шкафа камень необычной формы. Даже мне никогда не приходилось видеть ничего подобного. Камень был похож на спекшиеся друг с другом клубеньки картофеля.

— Что это?

— Фульгурит — след не обычной, а шаровой молнии. В мире нет другого такого же образца. Найден этот камень в зоне среднего течения реки Урал. Видите, любовь к поискам подобных редкостей — это действительно «не-что другое». Такую вещь не продашь, не променяешь. Это моя жизнь.

Это «нечно другое» хорошо описал в свое время один из знатоков камня.— А. К. Денисов-Уральский. Учтите эпоху: было написано до революции, в 1911 году. Тогда все было подчинено наживе. Но некоторые из эмоций живы и по сей день. Это был рассказ о добыче аметистов.

«На дно щели свет проникает весьма слабо, и старателям приходится работать с искусственным освещением — обыкновенно с простой свечой. В подобных выработках рабочие спускаются в шахту в ушате на изношенном канате, грозящем ежеминутно смертью тому, кто ему доверится. Но это не останавливает смельчаков, жаждущих наживы. Жгучее чувство неизвестности, как азарт, который испытывает игрок или охотник, увидевший своего верного пса, делающего стойку, захватывает старателя, натолкнувшегося на жилу, которая, по его приметам, обещает гнездо аметистов. От волнения захватывает дух. Лихорадочно, трясущимися руками откалывает он куски породы, ожидая каждую минуту увидеть дорогой кристалл. Для этого стоит рискнуть! Тут много своеобразной поэзии!»

Есть и другие минералы, смотреть на которые можно беспрестанно. Они также лежат в заветных уголках у коллекционеров. Об одной группе таких камней и пойдет дальше наш рассказ.

...Тайга. Зелень березы и ели. Шорох белки в кедровнике. Яркие цветы многотравья лужаек и полян. Моховые болота с ивняком.

Листочки у ивушки луково-зеленые, точь-в-точь как у редкого камня — волконскоита. А омытые летним дождем травы под ветвистой ольхой напоминают краски изумрудов и уваровитов.

Вся сознательная часть жизни горщика — собирателя камня Василия Васильевича Шухардина прошла под знаком любви к природе, привязанности к камню. Своим друзьям он рассказывал, что любовь к каменным редкостям предопределила его фамилия. Да, да, именно фамилия! В минералогических справочниках сказано, что есть редчайший минерал шухардит, встречающийся в пластинках яблочно-зеленого цвета.

Василий Васильевич достал этот минерал, несмотря на то что шухардит известен только из саксонского Франкенштейна — невзрачного местечка, не обозначенного даже на картах. Выменял он шухардит на столь же редчайший минерал волконскоит, встречающийся только в Пермском Прикамье.

Не только редчайшим шухардитом славилось среди коллекционеров собрание минералов Шухардина. Все оттенки таежных просторов сосредоточились в каменном царстве его квартиры. Лежали минералы в застекленных стеллажах, подсвеченных изнутри лампами дневного света.

Вот полочка, на которой сосредоточились камни с одним названием, но различные по своему облику и цвету. Это актинолит, или луч-камень, встречающийся иногда в скоплениях. Разновидность актинолита — амиант, асбестовидный волокнистый минерал — светло-зеленый, травяно-зеленый, моховидный. А рядом другая разновидность — биссолит, тоже волосистый, состоящий из тончайших игольчатых скоплений, ломающихся при изгибе кристаллов. Такие скопления в виде темно- и светло-зеленых пучков пронизывают кристаллы горного хрусталя.

В центре этого скопления лежит одна из главных разновидностей актинолита — нефрит, царь царей минералов прошлого. Разновидностей нефрита по цвету не счесть.

Есть нефриты бутылочно-зеленые, есть травяно-зеленые, синевато-зеленые, зеленовато-серые. Один из образцов полирован. Его отполировали наши предки, использовавшие нефрит для создания своего главного оружия — топора. Благодаря своей вязкости нефрит служил ударным инструментом вечно. Говорят, что один из таких топоров был положен под стотонный молот. Удар... и молот сломался!

Показывая собранные минералы, Шухардин как-то сказал:

— Говоря о зеленых камнях, надо как можно реже употреблять слово «зеленый». Наша словарная гамма настолько бедна, что приходится пользоваться словарями ботаников.

И, взяв в руки очередной камень, продолжал:

— У этого камня цвет молодой поросли ельника, а тот похож на листочки ежевики...

Дальше следовал каскад всевозможных названий трав и кустарников, сравниваемых с зеленью камня. Демонстрация зеленых минералов с таким сопровождением вводила слушателей в мир травяно-каменных грез. Целые пейзажи тайги оживали от слов рассказчика.

Только тем, кто заслужил особое доверие, Шухардин показывал святая святых своей коллекции. Главное из первых мест в ней занимало турмалиновое солнце. Пределом мечтаний каждого коллекционера является сросток черных столбиков, расходящихся веером из одного центра. Как правило, составляющие солнце лучи состоят из черных цилиндров миллиметровой толщины. В коллекциях побогаче эти цилиндрики могут быть и толще. Но в тысячу крат ценнее те из них, в которых лучи слагаются прозрачными камнями.

Ну а здесь было волшебство! На пластинке из мягкого сланца раскинулись десятисантиметровыми лучами прозрачные, с палец толщиной, камни цвета незрелых яблок! Одиннадцать таких камней составляло соцветие —

«солнце». Двенадцатый камень, как бы завершая композицию, имел ярко-малиновый цвет. Он был столь же прозрачным — чистейшей воды!

Зеленым Солнцем Тайги окрестил это соцветие Шухардин. Ни в одной коллекции мира не встретишь ничего подобного. Камни турмалинового солнца кроме невиданной красоты обладали и огромной денежной стоимостью. Любой ювелир мог из них отгранить большое количество драгоценных вставок в броши, кольца, диадемы, подвески...

Особенно ценились малиновые турмалины — шерлы. По стоимости они на мировом рынке приравнялись к бриллиантам, рубинам, изумрудам.

Зеленое Солнце Тайги хранилось Шухардиным в особой части коллекции. Камень лежал в тайном закуте, место которого не было известно даже самым лучшим его друзьям.

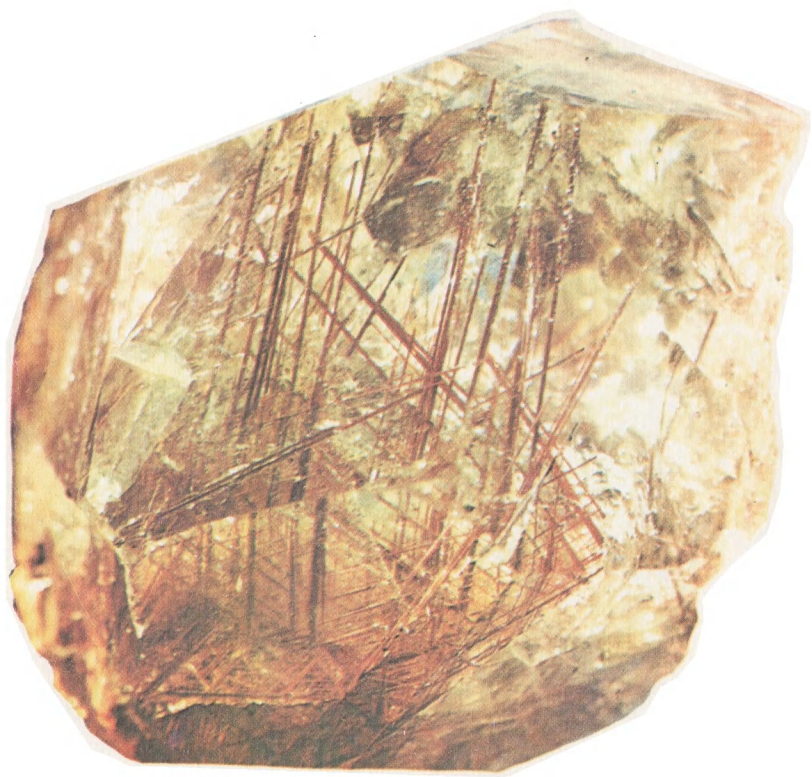
В потаенном уголке кроме турмалинового раритета лежали и другие камни. Особенную ценность имел кристалл изумруда чистейшей воды весом около ста карат. Такие стокаратники добываются в Изумрудных копиях один раз в несколько лет.

Из числа других ценностей тайника были и гигантский прозрачный демантонд, и поражавшая своим видом щетка сантиметровых кристаллов уваровита, сверкавшая изумрудным блеском. Каждый из них был также дорог и мил сердцу коллекционера.

И вот вся эта бесценная красота исчезла...

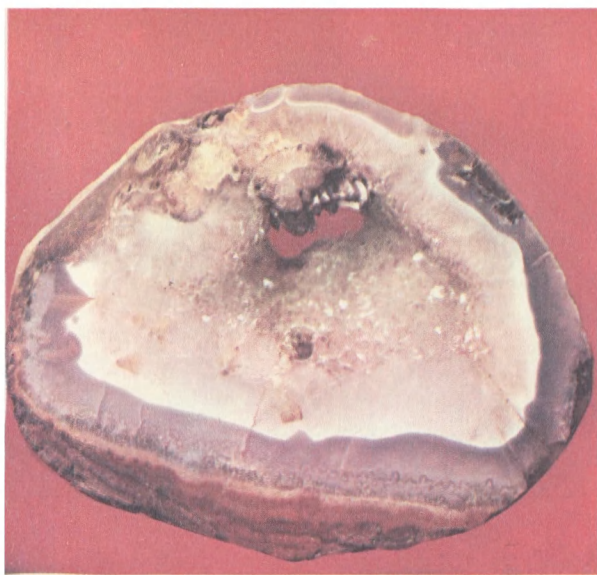
В тот день Шухардин задержался на работе в ГПТУ, где он преподавал шлифовально-ограночное дело. Что-то случилось со станком. Пришлось разобрать его и прочистить детали.

Когда Шухардин вошел в дом, он каким-то шестым чувством уловил опасность. Стало вдруг необычайно тревожно на душе. Он сразу кинулся к своим зеленым вставочным камням. Нет, вся коллекция на месте. Ничего

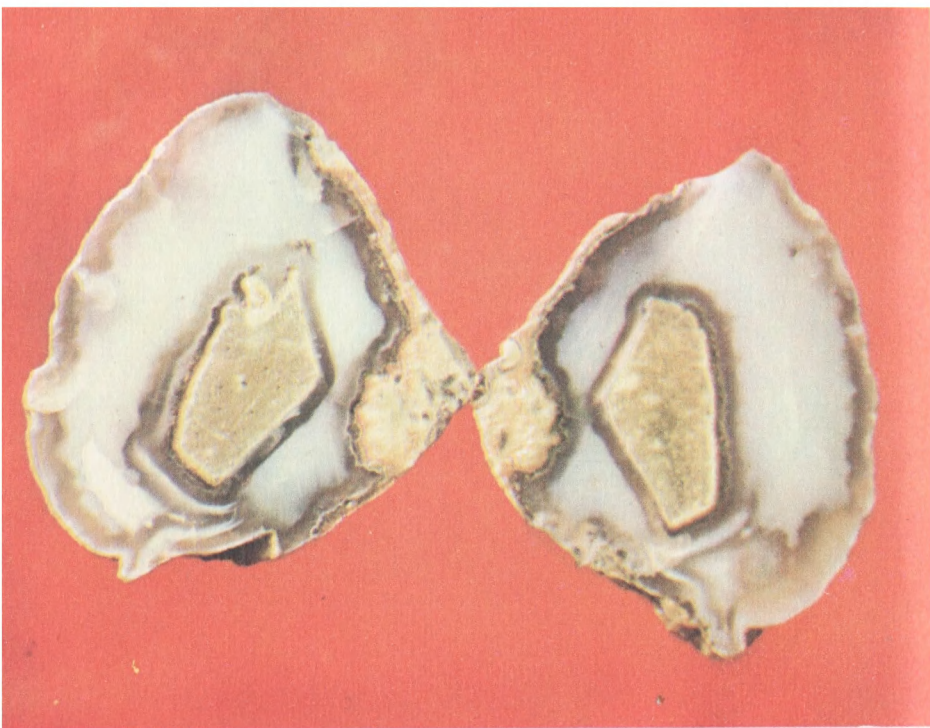

Огненные нити рутила пронизывают прозрачный
горный хрусталь. Такие камни называют
«Волосы Венеры»

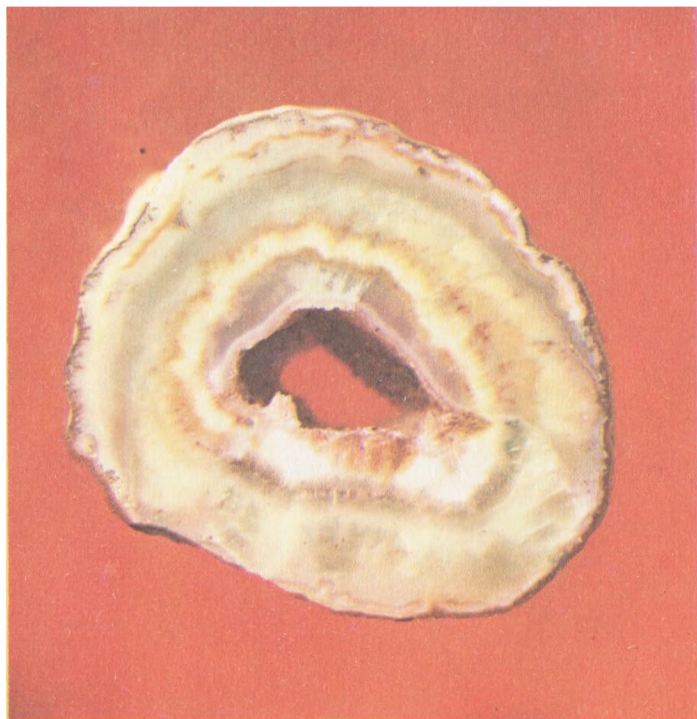

Очень эффектны рисунчатые агаты.
Любители камня дают им разные названия:
«Кристаллическая жеода...»

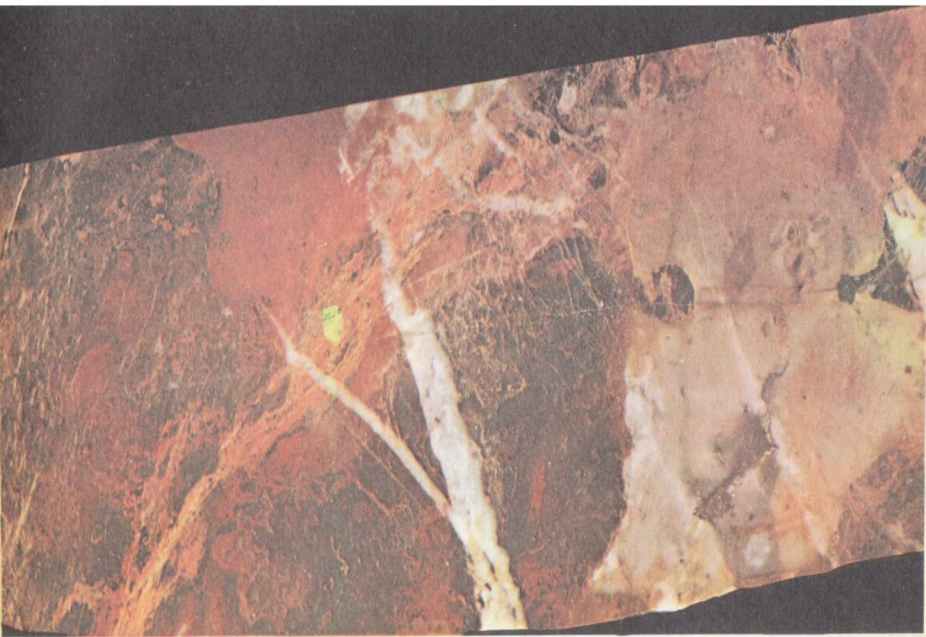

«Бабочка...»

«Глаз»

Природные композиции на яшме:
«Красный пейзаж»

«Пейзаж со сломанным деревом»

Эти загадочные рисунки на яшме тоже
выполнены природой

Яшма — «Горизонт в пустыне»

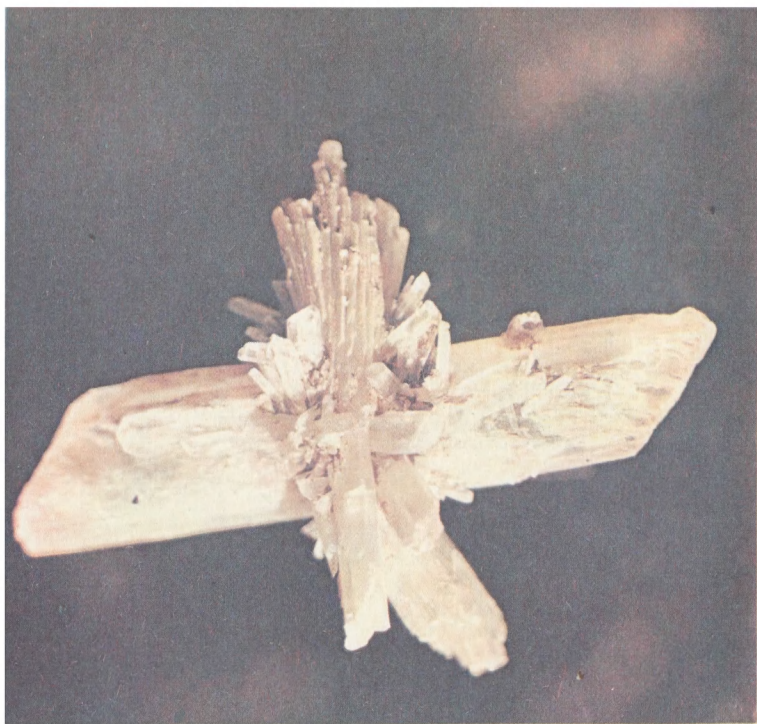
Орская яшма «Медальон»

Сатирические аллегории из камня ювелира —
художника Денисова-Уральского:

Сокол из серого
пегматита на черной перчатке из морнона
Жаба на полированном лазурите

Двойники разнообразных кристаллов
нередко дают причудливые сочетания.
Этот образец получил название «Крест»

А это сочетание красок подобно цветовой
музыке, но посмотришь внимательнее — и видишь
разнообразные кристаллы

И снова — яшма. Этот полированный кусок
найден на горе Полковник близ города Орска.
Вглядитесь внимательно — и увидите портрет
старика с бородой

не тронут. Лишь один из минералов был необычно повернут. Так его положить не мог хозяин коллекции.

Кинулся Шухардин к тайнику — и увидел опустевший закуток. Сначала он не поверил своим глазам. Вновь и вновь он осматривал заветный уголок.

Пусто!

Как все это пережил Шухардин — не передашь.

Перед его глазами, как в калейдоскопе, промелькнуло детство.

...Он вместе с отцом идет к заветной таежной копи. Той самой, в которой было найдено Зеленое Солнце Тайги. Рассматривая каменное чудо, отец — старый потомственный уральский горщик, оценивая находку, вспоминал, что вот так же со своим отцом — дедом Василия Шухардина — они нашли когда-то участок россыпи крупных, с кулак величиной, прозрачных демантоидов. Один из этих камней отец продал тогда, чтобы поправить хозяйство. На полученные деньги построили дом, купили лошадь, обзавелись утварью...

Во вьюжную зиму у жаркой печи нового дома, поедая вкуснейшую печеную картошку, отец рассказал о приключениях деда Шухардина. Самыми страшными были выстрелы охранников французских концессий на Изумрудных коях. Дед вместе с друзьями-хитниками глухой безлунной ночью нагребал в холщовые мешки камни из отвалов Изумрудных копей. А потом под выстрелами охранников убегали с добычей. В тот злополучный день в их ватаге были и женщины, одной из них была мать отца Василия. Днем она работала на концессии. Чтобы разборщицы проб не утаили камень, их заставляли работать в зеленых очках. В зеленом свете не отличишь изумруд от бесцветного недрагоценного берилла. Приказано было складывать в запечатанную урну все прозрачные камни.

Ну а той ночью, было это в 1917 году, охранники и застрелили оставших при погоне женщин. Среди них была бабушка Василия.

В ее холщовой сумке и найден тот самый изумруд. Хранили его как реликвию и дед и отец Василия. Вместе с изумрудом обнаружено было и чудо из чудес — камень александрит необычной величины и чистоты.

...Часами рассматривали они с отцом тот александрит. Подойдешь к раскаленной, пылающей печи — и камень принимает цвет бушующего пламени. Подойдешь с этим камнем к окну, посмотришь его на просвет и видишь необъятное море зеленого цвета. Чудо!

И вот все это исчезло!..

Кто?! Кто мог коснуться заветного?

И ведь не заявишь в милицию. Если и найдут эти драгоценности, конфискуют...

Конечно, Шухардин знал, что нельзя дома хранить такие ценности. Но ведь они были заветные. Завещаны дедом отцу, а отцом ему — Шухардину. А сердцу не прикажешь! Камни дороги как память о судьбе его рода.

Нет, надо искать пропажу самому.

В кинофильмах о работе сыщиков рассказывалось, как они проводят поиск.

Вот он, Шухардин, пойдет к своим знакомым коллекционерам камня. Они у него все наперечет. И хотя он верил в их честность, но красивый, тем более дорогой камень есть камень. Такое собрание камней может превратить даже порядочного, но неустойчивого человека в вора.

Нет, самому нельзя. Он, Шухардин, не должен ни к кому ходить. Надо направить к коллекционерам закадычных друзей. Они помогут ему вернуть его камни-грезы.

По просьбе Шухардина я отправился в интересное «путешествие» — стал просматривать коллекции камней у совершенно неизвестных мне людей. Список коллекционеров был обширен. Некоторых посоветовал мне посетить знакомый коллекционер, других назвал Шухардин, третьих — сами коллекционеры.

И причину моего появления у них не пришлось выдумывать: пишу книгу о тех, кто «заражен камнем».

Почти все коллекционеры просили не называть в печати их фамилии и адреса. История с пропажей камней у Шухардина была известна почти всем. Даже филателисты, филокартисты, книголюбь, собиратели икон и другие коллекционеры срочно стали засекречивать свои лучшие образцы.

Большинство коллекций было весьма однотипным: несколько кристаллов горного хрусталя, крупные друзы пирита, рисунчатые агаты, конечно, полированные яшмы — вот их главный набор. Отличались они друг от друга лишь преобладанием одних групп минералов над другими да случайными пополнениями, собранными или вымененными у таких же собирателей камня.

Но встретились и диковинные коллекции.

У инженера-электрика Петра Сидоровича Марова неожиданно возникла страстная любовь к кораллам. Однажды, во время пребывания на Кубе, он отправился отдыхать на Атлантическое побережье. Там увидел небольшой островок, сложенный кораллами, — прибрежный коралловый риф.

Кораллы были снежно-белые, похожие на веточки скалочных деревьев. Выглядели они необычайно хрупкими. Кажется, возьмешь в руки такое создание природы и оно превратится в прах. Но нет. Маров с трудом отколол несколько таких веточек. С тех пор он и начал собирать все ветвистое из мира камней.

Предупрежденный по телефону о моем приходе, Петр Сидорович сразу открыл дверь. После взаимных приветствий он подвел меня к шкафу со своими сокровищами, который располагался в темном углу прихожей. При нашем приближении вдруг осветилась лампами дневного света внутренняя часть шкафа — сработала автоматика.

— Я заимствовал этот прием в Иркутском политехническом институте, — сказал Петр Сидорович. — Там на кафедре автоматики многие шкафы, расположенные в темном коридоре, снабжены селеновыми датчиками. По-

дойдешь к такому шкафу, и автоматика высвечивает все внутреннее устройство демонстрируемых приборов.

Ну а в шкафу хозяина этой квартиры высветились собранные им чудеса. Все камни были белыми или как бы чуть-чуть подкрашенными в светлые тона.

Две полки этой коллекции содержали то, что можно назвать коралловой симфонией. Описать этот лес ветвистых чудес просто невозможно. Были здесь кораллы чуть ли не со всего света. Но особенно красивыми оказались коллекции, собранные из Барьерного Австралийского рифа. Как известно, длина рифа достигает двух тысяч километров. И вся линия островов уложена чудесными ветвистыми колониями.

— А вот за этой каменной веткой я нырял с аквалангом на большую глубину,— сказал Петр Сидорович.

Надо отдать должное, образец был неповторим по своей красоте.

Значительную часть коллекции инженера Марова составляли не только кораллы. В природе есть удивительные камни, сходные с кораллами, но не имеющие ничего общего с живой природой. И Петр Сидорович показал мне свои сборы из многих пещер мира.

Как известно, в подземных чертогах содержится убоиство, которое нельзя не назвать сказочным. Это известные по учебникам географии сталактиты, сталагмиты, занавеси, драпри... Сложены они натечными кальцитами, точнее, их разновидностью — арагонитами. Но сказать так — значит обеднить красоту этих природных явлений.

В природе нет двух одинаковых натечных арагонитов. Их часто называют «железными цветами».

Так вот, в коллекции инженера Марова оказались разнообразные по виду, сходные с кораллами переплетающиеся ветви «железных цветов» арагонита.

Промежутки на стеклянных полках «шкафа сокровищ» были заполнены другими разновидностями арагонита. Был здесь «гороховый камень» из карлово-варского источни-

ка — камень, похожий на собрание полированных икринок мифической рыбы. Каждая горошинка этого камня вмещала в себя отблеск освещающих ее ламп. Камень как бы светился изнутри.

Чтобы усилить впечатление, Маров вмонтировал в заднюю стенку шкафа систему зеркал. Они были повернуты так искусно, что создавалось впечатление длинной анфилады ветвистых чудес.

И ни одного зеленого камня. Хозяин коллекции заметил мой интерес к цветным камням.

— Уж не думаете ли вы, что в моей коллекции может быть что-либо из коллекции Шухардина? — так прямо спросил он. — Я знаю, что вы слышали историю о пропавших каменных раритетах. Это пятно на всех коллекционерах города. Думаю, что не найти среди них человека, совершившего такое преступление. Я покажу вам то, что можно назвать «изюминкой» всех моих сборов. — И, говоря так, Петр Сидорович подсветил самый дальний участок нижней полочки шкафа.

Там на хрустальной тарелочке лежала жемчужина невиданной красоты. Матовая поверхность гладкой, округлой драгоценности удивительно гармонировала со всей коллекцией, собранной инженером. Здесь же, рядом с жемчужиной, лежала и раковина, в которой она росла.

Я видел много великолепных жемчужин. Они собраны в сокровищнице нашей страны — в Алмазном фонде СССР. Особенно поражают жемчужины в короне Екатерины II. Они крупные, величиной с голубиное яйцо.

Конечно, жемчужина из коллекции инженера Марова не идет ни в какое сравнение с тем, что находится в Алмазном фонде страны, но она дорога коллекционеру тем, что найдена им самим.

Мы отошли от шкафа с чудесными камнями. Мгновенно сработала автоматика. Потухла иллюминация, украшавшая сказочное собрание. На месте дивной красоты был простой темный угол прихожей. Но в мозгу отпеча-

талась вся гамма переживаний, вызванных этой необычной симфонией ветвистых раритетов.

И все же я увидел знаменитое Зеленое Солнце Тайги. ...Тот день, когда случилось это событие, был вообще необычен. С утра все удавалось и шло как по расписанию. Почти без усилий сложился план будущей книги. Удачным получился черновик одной из очередных глав научной статьи. И даже солнце светило как-то по-особенному.

От занятий меня оторвали взволнованные Шухардин и его приятель Петя, прибежавшие с огромным портфелем в руках.

Без предисловий Шухардин стал выгружать на стол содержимое портфеля.

Я ахнул.

Засверкало, заискрилось, загорелось невиданным светом Зеленое Солнце Тайги... Даже воздух моей душевной комнаты пропитался ароматом кедров, лиственниц, сосны...

А на столе лежало чудо чудное, диво дивное, то самое турмалиновое солнце, считавшееся безвозвратно утерянным.

— Вызвали нас с Петей,— запинаясь на каждом слове, говорил Шухардин,— в областное управление милиции, в следственный отдел.

— К начальнику этого отдела...— уточнял Петя.— И нам учинили допрос:

— Когда было утрачено сокровище?

— Почему вы не заявили об этом в соответствующие органы?

— Что за партизанщину вы развели с кустарным следственным осмотром коллекций знакомых вам и незнакомых людей?

— Кто дал вам право подозревать в воровстве людей, непричастных к вашим коллекциям?

После сбивчивых ответов Шухардина и Петю повели в другой кабинет.

— К самому главному начальнику,— вставил Петя.

И тут...

Тут Шухардину вручили пакет, да еще в новеньком портфеле. Внутри портфеля не только Зеленое Солнце Тайги, но и другие украденные камни: великолепные изумруды, александриты... Словом, все, что было в тайнике Шухардина.

Передавая все это Шухардину, начальник отдела поздравил его с вновь обретенными ценностями и рекомендовал в дальнейшем не быть излишне доверчивым.

Он же рассказал о том, как к нему обратились коллекционеры с заявлением помочь Шухардину обрести утраченное. Коллекционеры же сообщили следователям о попытке Шухардина, Пети и его друзей самостоятельно найти пропажу.

Следователю удалось установить, что кража была делом рук недоброго человека, обокравшего не только Шухардина.

— Понимаете,— говорил начальник отдела,— если бы вы сразу заявили нам о пропаже, вы значительно бы облегчили поиск сокровищ. Хорошо, что на этого человека был объявлен всесоюзный розыск. Он числился в нашей картотеке. Это он, уже на следствии, показал, что не обокрасть вас было бы просто обидно. Он познакомился с вами в электричке, и вы не только выложили ему все о своих раритетах, но и пригласили домой, при нем открывали тайник. Ну а выследить, когда вас не бывает дома, и совершить кражу было для него уже «делом техники».

— И понимаете,— добавил Петя,— начальник отдела рекомендовал спокойно владеть этими сокровищами, потому что ценности эти фамильные и никто, кроме Шухардина, на них не имеет никакого права.

На этом можно было бы поставить точку. Но истинную развязку происшедшему придумал сам Шухардин.

— Я свылся с пропажей Зеленого Солнца Тайги,— произнес задумчиво Шухардин.— Пережил боль утрачен-

ного. Да и к чему мне богатство? Держать все это под замком, как скупой рыцарь? Одному наслаждаться блестящим кристаллом? Нет! Не то!.. Камни не вызовут у меня теперь старых грез. Сейчас мы пойдем снова в управление милиции и сдадим их государству. Пусть оно распорядится сокровищем: либо отправит его в музей, где тысячи людей будут наслаждаться всей этой красотой, либо превратит в валюту.

И дальше Шухардин и Петя, перебивая друг друга, стали развивать интересные мысли о коллекционировании ценностей. Суть сводилась к следующему.

Большинство любителей камня наносит непоправимый ущерб государству. Сколько уничтожено безвозвратно минералов в Ильменском государственном заповеднике! Исчезли в Мурзинке ценнейшие для науки уникалы... И не только на Урале. На Кольском полуострове, в Алтайских горах, на Памире растаскиваются туристами невозобновимые ценности, имеющие огромное научное значение...

Пора завести «Каменную красную книгу»! В нее следует записать все, что требует немедленной охраны. Организация такой всесоюзной защиты каменных раритетов была бы лучшей развязкой истории с коллекционными ценностями, находящимися в частном владении.

Просматривая коллекции из частных собраний, я столкнулся с особой группой камней — сходных лишь по химическому составу, но различных по своему облику. Камни этого типа лежали на полочках в шкафах, в специальных ящиках и на стеллажах. Это были многоликие камни, но из их числа наибольшим разнообразием отличались так называемые обманки.

Их так много, что в каждом географическом пункте они принимают иной облик. «Обманчивый» — по-гречески «сфалерос». Сфалеритом называли ученые цинковую об-

манку. Почти во всех крупных музеях мира в витринах, где собраны сернистые соединения металлов, можно видеть любопытнейшие образцы.

Сфалериты из Трансильванских Альп (Румыния) поражают своими крупными размерами. Кристалл сфалерита там густо-черного цвета. А в Пршибраме, в Чехословакии, сфалериты имеют желтый и зеленый цвет. В Испании они золотисто-прозрачные, крупнозернистые; почти такие же, но в крупных кристаллах сфалериты встречаются в Мексике.

На Урале от старых горщиков я слышал полулегенду, полубыль о том, что в коллекции одного из любителей (задолго до Октябрьской революции) видели странный сфалерит — коричневый днем, светившийся в темноте странным неземным светом, исходящим изнутри камня. Говорят, что этот сфалерит имел форму креста. Хозяин коллекции хранил камень как редчайшую святыню, возил его всегда с собой. Рассказывают, что однажды этот камень будто бы защитил хозяина от «лихого мужика-оборотня», и добавляют, что от удара таким камнем «мужик-оборотень» скончался.

Я не раз убеждался в том, что каждая легенда всегда содержит наряду с вымышленными образами и какие-то зерна истины. В рассказе о каменном кресте поражало свечение камня. Это было новым. И я стал подбирать литературу о сфалеритах.

Поиск привел меня к одному из выпусков «Записок Всесоюзного минералогического общества», вышедшему в свет в 1966 году. Там оказалась любопытная статья П. Я. Яроша и Ю. Ф. Юрина «Использование фотoluminesценции сфалерита при решении некоторых вопросов генезиса колчеданных руд». Вся статья была посвящена анализу причин свечения сфалерита. Это было то, что мне нужно.

Авторы — сотрудники лаборатории геологии рудных месторождений Института геологии и геохимии Уральского научного центра Академии наук СССР. В лаборатории оказалась большая коллекция сфалеритов и различных типов медных руд. Коллекция была немусейной. Она изучалась всеми новейшими методами. Одним из них было исследование руд под ультрафиолетовым лучом в специальном микроскопе.

До посещения этой лаборатории я думал, что после осмотра пейзажных и портретных яшм трудно в мире камня встретить какие-либо необычные явления. Но я глубоко ошибался. Ультрафиолетовый луч открыл мне феерическую картину, наблюдаемую в разных сфалеритах.

Те, кому приходилось встречать осеннее утро в лесу, помнят яркие краски листьев. Вся гамма желтых, оранжевых, красных тонов воспринимается в лесу золотой осенью. А между листьями хорошо просматривается паутина, покрытая тонким бисером утренней влаги... На фоне пестроокрашенных листьев паутина кажется красной.

Такую паутину я встретил в рисунке кристалла сфалерита в лаборатории П. Я. Яроша. Именно этот рисунок навел воспоминания об осеннем ландшафте. Внутри красных запутанных тенет просматривалось пятно смоляно-черного цвета. Там, в этой черной дали, — логово паука. Попасть в такую паутину, запутаться в ней — страшно...

В других картинах встретился тот же рисунок из красных и черных нитей. Отличие лишь в том, что они неоднократно повторялись.

Красное, белое, черное... Красное, белое, черное... И так многократно в виде тонко прочерченных ярких нитей в сторонах многоугольника: в первой, второй... шестой.

В некоторых рисунках эти нити разорваны, но, даже разлетевшись в стороны, они создают невероятной силы и мощи обрамление других сочных разноцветных пятен. Не-

однократно перемежаясь, красно-черные и белые нити становятся сходными с музыкальными ритмами траурного марша. Нет, это не плач скорби. Линии говорят и кричат о стихийных проявлениях сил природы. Эти силы наступают со всех сторон. Теснят. Завораживают. Ритм за ритмом шествует спокойно, торжественно-величаво среди молочно-белых облаков, слегка подкрашенных красно-оранжевыми бесструктурными пятнами.

А внутри этих мрачно-траурных рамок четко прорисовываются лирические и лирико-драматические пейзажи.

Вот гавань. Тиха и спокойна ее водная гладь. Легкий ветерок создает лишь еле заметную рябь. Горделиво курсируют в гавани яхты. Их треугольные паруса навевают мысли об экзотических странах. Так выглядят яхты и торговые суда в Персидском заливе...

Предвечерний час на картине подчеркнут розово-фиолетовой окраской неба. Дневное светило приблизилось к горизонту. В дымке наступающего вечера солнце стало призрачно-желтым. Ореолы концентрических колец окружили его, создавая неземной колорит.

А на темно-коричневом берегу светло-желтыми пастельными красками размазались контуры строений.

Весь мирный пейзаж гавани вписан в траурно-торжественный ритм. Этот ритм все время создает настроение тревоги, ожидания каких-то событий...

Просматриваемые картины завораживали. В них чудилось нечто бесконечно знакомое. Траурный ритм. Борьба противоположностей. Сопоставление несопоставимого... Только так можно представить себе классическую сонату. Здесь, в камне, встретились как бы застывшие звуки, родственные бессмертной «Аппассионате» Бетховена...

В одном из красно-черно-белых многоугольников с мирным пейзажем гавани соседствует картина — рассказ о Сцилле и Харибде.

Вот она, сказочная Сцилла. Это огненно-рыжее многоголовое чудовище. Мезозойский динозавр или страшный

дракон-птеродактиль показались бы ангелами по сравнению со Сциллой. Чудовище высунулось из пещеры в скале. Стали видимыми ее безобразные морды, криво посаженные на длинные шеи. Невероятной длины когти выпущены из ее двенадцати лап. Сцилла пожирает все: дельфинов, рыб, людей... Блестят и сверкают страшные зубы чудовища. Их тройной ряд нацелен на людей, подплывающих сюда на корабле. Моряки, видя опасность, сгруппировались на корме. Уверенно ведет свой корабль кормчий. Он знает: у противоположных скал таится более грозная опасность. Там Харибда — страшный водоворот, засасывающий в пучину все, что подплывает к нему. Сцилла же схватит немногих.

Голубовато-белые брызги Харибды уже видны у роковой красно-черной черты. Что сейчас произойдет?

А в небе, вблизи роковой черты, хохочет огненно-красный бог. В его руках все судьбы людей. Он знает, чем все закончится. Красно-черный, беспощадный ритм во весь голос кричит, провозглашая волю божества...

Но можно прочесть картину и так. Огненно-красное божество — это волшебник Просперо, заклинающий стихию спасти людей и корабль. Картины из «Аппассионаты», навеянные «Бурей» Шекспира. Это опять ритмы окаменевшей музыки...

В один из многоугольников вписан неземной ландшафт. Все в нем как на других планетах. Но, возможно, так выглядела и наша Земля в дни ее юности. Островершинные иглы вытянутых пирамид свидетельствуют о начале эры. Здесь все первозданно: и горы, и долины, и ложные солнца. Эти светила странно однотипны. Они опоясаны концентрическими кругами, состоящими из 5—6 колец.

В завершающей картине густо-фиолетовые и сиреневые брызги создают впечатление гигантского планетарного взрыва. Осколки камней, прорвавшиеся через красно-черную ограду, влетели в снежно-белую пену, вмещающую

все картины. Следы осколков в виде огненных концентрических колец как бы застыли в гигантском айсберге Вечности...

Когда удалось оторваться от микроскопа, то оказалось, что вся эта красота сосредоточена в плоских полированных маленьких кусочках (величиной не более двух-трех квадратных сантиметров) самой обычной колчеданной руды, взятой из различных медных месторождений Урала. «Секрет» заключался лишь в том, что каменная соната наблюдалась не в обычном, а в ультрафиолетовом луче, способном вызывать свечение некоторых минералов. Этим и пользуются геологи для их определения.

А дальше в дело вступил обычный принцип пейзажности камня. В просмотренных образцах встретился не просто разнообразный комплекс минералов, здесь столкнулись различной формы и величины обломки сфалерита. Каждый светился по-своему.

Для сравнения давайте посмотрим те же образцы под микроскопом, только не в ультрафиолетовом, а в обычном, отраженном свете. И ничего феерического и сказочного не увидим. В полировках видны только серые и относительно яркие желтые зерна минералов. Геологи именно по таким расцветкам определяют рудные непрозрачные минералы. Есть специальный метод изучения руд, называемый в геологии минераграфическим. Он сводится к выявлению различий в цветах минералов в отраженном свете под микроскопом.

Ученые и практики всех стран мира многократно изучали руду из разнообразных месторождений полезных ископаемых, в том числе и из колчеданных. В их трудах описаны и переописаны все особенности медных, свинцовых, цинковых руд и сопровождающих их многочисленных других минералов. Особенно обманчивыми являются кристаллы сфалерита, цинковой руды. Скопления их бывают волокнистыми, тонкозернистыми, скорлуповатыми, гроздьевидными, полнокристаллическими... Этот минерал

действительно обманывает, дразнит своей многоликостью.

В лаборатории геологии рудных месторождений Института геологии Уральского научного центра Академии наук СССР задумались над первопричиной всего этого многообразия и выполнили специальные исследования сфалеритов под ультрафиолетовым светом. Результаты оказались весьма интересными и новыми.

Как всегда, началось с «малого». Сфалерит из колчеданных месторождений Урала люминесцировал в ультрафиолетовом свете только в тех случаях, когда он находился вместе с медьсодержащим минералом борнитом.

Потом стали накапливаться дополнительные материалы. Оказалось, что цвета высвечивания сфалерита меняются в образцах, подвергшихся деформациям. Усложнение люминесценции увязывалось с конкретными условиями залегания руд. В одном из месторождений взяли для анализа руду из зоны контакта с вмещающими породами. Было видно прямо в забое, что руда здесь претерпела интенсивные пластические деформации, и в ней появилась четкая полосчатость. Под ультрафиолетом в таких образцах (сфалерита с борнитом) наблюдалось буйство расцветок, высвечивалась картина, близкая к радуге. Ритмично перемежались ярко-желтые, зеленые, голубые, фиолетовые, вишнево-красные полосы...

Вывод был четким и однозначным. Увидишь в сфалерите в ультрафиолетовом луче необычные световые ритмы, знай: руда подвергалась в своей жизни сильным сжатиям.

Точно так же, шаг за шагом исследователи доказали, что все виды метаморфизма (не только сжатие, но и прогрев и воздействие воды) оставляют в сфалерите свои знаки, проявляющиеся в ультрафиолетовых лучах. Вот микротрещинка. По ней много миллионов лет назад просачивалась вода. Она что-то растворяла и выносила из руды; другая порция воды приносила какие-то соли и оставляла их в руде, изменяя химический состав минера-

лов. Вблизи такой трещинки ультрафиолетовый свет фиксировал все это изменением окраски, появлением новой тональности.

В ряде случаев в сфалерите обнаруживались под ультрафиолетовым светом странные фигуры, состоящие из серии очень правильных концентрических колец. Иногда минерал содержал довольно много таких фигур. Они создавали картину плоскостного среза шаровых сфер, вложенных друг в друга, окаймляющих микроскопически малые точки. Ширина колец в таких окружностях была неодинакова, а их радиус исчислялся микронами.

Поиски ответа на вопрос о причинности явления привели к открытию радиоактивности сфалерита. Оказалось, что руды некоторых колчеданных месторождений Урала содержат незначительные примеси радиоактивных элементов, которые не обнаруживаются даже спектральным анализом. Сферы же возникли при альфа-излучении радиоактивного вещества. Такие фигуры называются радиоактивными «двориками». В сфалеритах медноколчеданных месторождений Урала они были обнаружены впервые.

Таким образом, в сфалерите отразился ход ядерных реакций, протекавших (и протекающих) в руде каждую секунду в течение десятков миллионов лет!

Обнаружение следов ядерной жизни в древние геологические эпохи является важным событием в науке. Доктор геолого-минералогических наук П. Я. Ярош говорит, что радиоактивные «дворики» вокруг минералов, содержащих радиоактивные элементы, видели задолго до него многие исследователи. Однако в лаборатории геологии рудных месторождений при участии П. Я. Яроша и под его руководством выполнены такие исследования, которые наглядно раскрывают сложные следы жизни радиоактивных элементов в колчеданных рудах.

На основании этого стало возможным решить одну из важных геологических задач: определить относительное

время тех радикальных преобразований в месторождениях, которые обусловлены метаморфизмом.

Возьмем опять в руки кусочек медно-цинковой руды. Она жила и живет своей особой жизнью, не видимой для нашего глаза. Каждую мельчайшую долю микросекунды альфа-частицы бомбардируют в ней кристаллическую решетку минералов. Сравним это явление с понятным нам образом: капля долбит камень. И представим в виде такой «капли» субмикрочастичку с энергией в миллионы электрон-вольт! По закону сохранения энергии миллионы и миллиарды накопленных электрон-вольт не исчезают. Они лишь трансформируются.

Вот дикий хаос красок. Я опять не могу оторвать взгляда от картин, наблюдаемых в сфалерите под ультрафиолетовым лучом. Но теперь осмысленными становятся нарушенные ритмы геометрических зон роста кристаллов. Видима и понятна картина, создающая впечатление пейзажа хаотических нагромождений скал. Все это лишь следствие разрушения кристаллического каркаса первичного минерала. Разрушался ли при этом минерал бурным взрывом (фиолетовые брызги!), или же процесс протекал спокойно?

Ответить на эти вопросы однозначно пока нельзя. Зримо представив эти процессы, мы можем лишь строить гипотезы о том, что такой же жизнью живут не только руды, но и многие другие породы земной коры. И жизнь других, не только пейзажных и портретных камней, но всех вообще горных пород полностью еще не изучена.

Еще не подобраны пока индикаторы для выявления подобных процессов в других горных породах.

Полученная информация о свечении сфалерита открыла лишь одну из ступенек познания сложной жизни горных пород. Камни живут! Их жизнь полна сложнейших превращений и увлекательных событий.

Метод, применяемый П. Я. Ярошем, вскрыл (и вскрыл однозначно) только частицу этой сложной жизни.

Где-то сейчас в частной коллекции лежит сияющий «неземным светом» сфалеритовый крест. В нем светятся атомы, для возбуждения которых достаточно тех ультрафиолетовых лучей, которые имеются в дневном свете. Хорошо бы разыскать этот сфалерит. Изучив его, можно подняться еще на одну ступеньку познания. Не исключено, что такое свечение связано с ядерными реакциями иных элементов, может быть, даже трансурановых, существующих и живущих в недрах Земли. Вполне возможно, что при изучении других подобных минералов вскроются новые, пока еще не познанные истины.

Кто знает!

Иные эмоции возникли у меня однажды после получения письма, пересланного мне редакцией одного из столичных журналов. Вот это письмо:

«Дорогая редакция! В газете «Социалистическая индустрия» я прочла заметку «Календарь драгоценных камней», написанную В. Шушанским. Приведу ее полностью, чтобы был понятен мой вопрос.

«В Индии, стране драгоценных камней, издавна распространено мнение, что каждому месяцу соответствует какой-то определенный благородный камень.

Например, январь — это месяц граната, символа постоянства. Февраль отмечен печатью аметиста, олицетворяющего искренность чувств. В марте особый почет выпадает на долю аквамарина, обозначающего храбрость. Апрель проходит под знаком алмаза, символизирующего чистоту и невинность. Благородный камень мая — изумруд. Он должен приносить людям любовь и успех. В июне «именины» нескольких камней: александрита и жемчужин, приносящих здоровье. В августе почитается сардоникс. Он способствует семейному счастью. Один из самых дорогих камней — сапфир — связывается с сентябрем. Индусы верят, что этот камень обозначает мудрость. Два камня принадлежат октябрю: опал и турмалин. С этими

драгоценностями индийцы связывают свои стремления и надежды. Камень ноября — топаз. Он символизирует верность и доверие. И наконец, декабрь отмечен бирюзой — камнем, олицетворяющим верность и благополучие».

Дорогая редакция, скажите, пожалуйста, — можно ли верить всему этому? Что говорит об этом наука?

Читательница вашего журнала М. Иванова»

В связи с этой заметкой мне вспомнилась беседа с моим другом, доктором геолого-минералогических наук профессором Московского института нефтехимической и газовой промышленности Георгием Евгеньевичем Рябухиным. Он исколесил не только нашу страну, но побывал в 37 странах мира. Отовсюду он привозил амулеты. Его квартира напоминает филиал этнографического музея.

В глухих уголках Республики Конго Георгий Евгеньевич встречал знахарей, которые, надев ритуальные маски, «лечили» больных каким-то странным порошком. Как выяснилось, этот порошок был изготовлен из толченых костей доисторических животных. Пациентов уверяли, что кость, пролежавшая в земле, передает человеку долголетие. Конечно, знахари выдавали здесь желаемое за действительность.

Профессор достал из недр своей необъятной коллекции великолепный аметист. Густо-вишневый цвет камня подчеркивался оправой из золота. Камень был похож на каплю дорогого вина.

— Давным-давно, — говорил мой друг, — в Западной Европе существовало поверье, что в этом благородном камне заключена душа нимфы, уговаривавшей бога пьянства Вакха не пить вино. Нимфа надоела Вакху. Она мешала ему развлекаться, и он заточил ее в камень. С тех пор, говорят, кто смотрит на аметист — не прикасается к вину. Да и в переводе «а-метист» значит «неопьяняющий». Но, к сожалению, я не раз видел пьяниц, носящих

этот камень. Однако не все в народных поверьях нужно охаивать и объяснять суеверием.— И Георгий Евгеньевич показал мне великолепно сделанные серебряные бокальчики из Индии. Во время холеры знатные и богатые люди этой страны пили воду из такой посуды.— И, представьте, не заболели. Лишь в наши дни удалось установить целебные свойства воды, побывавшей в серебряных сосудах. Теперь можно купить ионизаторы, обогащающие воду серебром. Такую «святую» воду каждый может изготовить у себя дома.

Профессор Рябухин демонстрировал мне великолепный оникс из пещер Южной Туркмении. Там связывают этот камень со способностью будто бы устранять несчастья во время землетрясения. Кто носит его на себе, тот никогда не будет задавлен при мощных сотрясениях земли. И тут же Георгий Евгеньевич добавил:

— А если кто и будет раздавлен при землетрясении, так он об этом уже никому не расскажет.— Взгляните на зеленый нефрит из Индии,— продолжал профессор.— Говорят, он отстраняет молнию от человека. Рядом смотрите, шпрудельштейн из горячего источника в Карловых Варах в Чехословакии. Опустите цветок в этот источник — и он окаменеет. Многие верят, что если умыться в такой воде, сразу станешь крепким как камень. Медицина же в наши дни утверждает, что эта вода целебна. Люди, испытавшие свойства воды на себе, не каменеют, а излечиваются от многих болезней. Так вот свидетельства исцеленных и способствовали, видимо, распространению многих небылиц.

Наслушавшись разных сказаний о будто бы таинственных свойствах камней, некоторые баловни судьбы стали украшать себя драгоценностями. Английский писатель Оскар Уайльд в романе «Портрет Дориана Грея» писал:

«Когда герцог Валентинуа, сын Александра VI, приехал в гости к французскому королю Людовику XII, его конь, если верить Брентону, был весь покрыт золотыми

лалами, а шлем герцога украшали два ряда рубинов, излучавших ослепительное сияние.

У верхового коня короля английского на стременах было нашито четыреста двадцать бриллиантов. А у Ричарда II плащ, весь покрытый лалами. Он оценивался в тридцать тысяч марок.

Холл так описывает костюм Генриха VIII, ехавшего в Тауэр на церемонию коронования: «На короле был кафтан из золотой парчи, нагрудник расшит бриллиантами и другими драгоценными камнями и широкая перевязь из крупных лалов».

Фаворитка Якова I носила изумрудные серьги в филигранном золотом обрамлении.

Эдуард II подарил Пирсу Гейфстоку доспехи червонного золота, богато украшенные лалами, колет из золотых роз, усыпанных бирюзой, и шапочку, расшитую жемчугами.

Генрих II носил перчатки до локтя, унизанные дорогими камнями, а на его охотничьих рукавицах было нашито 12 рубинов и 52 крупные жемчужины.

Как видим, множество драгоценных камней — изумрудов, рубинов, жемчугов — украшали королей, герцогов, фавориток. Однако никого из них драгоценности не спасли от старости, смерти, болезней. Хотя многие считали драгоценные камни панацеей от различных недугов.

И все-таки, может быть, есть какая-нибудь связь явлений? Нет ли какой закономерности между судьбами людей и какими-либо явлениями в каменном царстве и в Космосе?

Конечно, есть! Интересна, например, связь людских судеб с магнитной жизнью солнечной системы. Первым начал изучать эти связи наш соотечественник профессор А. Л. Чижевский. Он сопоставил кривую солнечной активности, подчиненную одиннадцатилетнему циклу (точнее, двадцатидвухлетнему), со статистическими данными о смертности от моровой язвы, чумы, холеры и других

эпидемических заболеваний за весь период истории человечества. И что же? Обнаружилась четкая зависимость между этими, на первый взгляд не связанными между собой явлениями.

Профессор Чижевский нанес своими исследованиями сокрушительный удар по лженаучным представлениям о тех явлениях, которые пытались выдавать за «знамения господни». Оказывается, все эти и многие другие «случайности» управляются и регулируются магнитной жизнью не только Солнца, но и планет.

С солнечной активностью — распределением на поверхности нашего светила пятен, со вспышками и магнитными бурями — связаны и такие явления, как максимумы и минимумы налетов саранчи, пожирание вредителями шелкопрядами зеленой листвы, массовые переселения животных и многое другое.

Конечно, наблюдательный человек мог подметить подобную периодичность стихийных бедствий и, зная их причины, прослыть пророком. Так можно объяснить предсказания многих «знамений». Естественно, что народ уважительно и не без страха называл имена подобных «пророков».

В последние годы выяснилось влияние магнитных факторов не только на живые организмы. Магнитная вода стала реальным фактом, получившим применение в ряде отраслей техники, и в первую очередь в обогащении полезных ископаемых.

Может быть, и жизнь камня зависит от колебаний магнитного поля Солнца? И со временем, возможно, и в геологии будут выявлены зависимости, подобные тем, которые были открыты А. Л. Чижевским.

Ведь современной наукой уже открыты таинственные силы многих камней. И после этих открытий жизнь их связалась с судьбами многих людей. Первыми среди таких камней назову минералы, содержащие уран.

Ранним утром 6 августа 1945 года летчик военной ака-

демии США получил приказ: лететь над Японией и сбросить над городом Хиросимой груз, с необыкновенной тщательностью упакованный в самолете. Никто в то время еще не знал, что над городом будет сброшен страшный контейнер, источник неисчислимых бедствий японского народа. Атомные бомбы, разорвавшиеся в Хиросиме, а затем и в Нагасаки, унесли более трехсот тысяч жизней!

В нашей стране уран получил другую «прописку». Первыми в мире дали промышленный электрический ток атомные электростанции в Воронеже, в Дубне, в Белоярке. В Директивах XXIV съезда КПСС записано, что опыт первых атомных электростанций позволил приступить к строительству мощных электростанций, используемых для мирного строительства.

По инициативе нашего правительства многие страны через своих представителей поставили подписи под Московским договором. Они условились прекратить испытания атомных и водородных бомб в Космосе, в атмосфере и под водой.

Вот как раскрылись в наши дни таинственные возможности, хранившиеся в драгоценных камнях. Нет такой отрасли «большой техники», в которой бы сейчас не применялся алмаз — этот удивительный самоцвет. Его заставили «работать» в буровых агрегатах, при шлифовке и резании металлов, при изготовлении тончайшей проволоки, обточке шариковых подшипников и в других производствах. А познав тайны происхождения алмазов, человек научился их изготавливать.

Искусственно получают и другие драгоценные камни, раскрывшие человеку свои таинственные свойства. Одним из таких камней стал рубин, он нашел применение в первых квантовых генераторах света — лазерах — чудо-приборах наших дней. Современные лазеры (работающие не только на рубине) используются во многих производствах. С их помощью осуществлено строительство высочайшей в мире останкинской радиомачты, производятся

сложнейшие операции глазного дна, исправляющие дефекты зрения, ведутся многоканальные телефонные разговоры, передаются команды космическим кораблям.

Человек сумел раскрыть «искренность чувств» такого камня, как горный хрусталь (к семейству которого принадлежит аметист). Тончайшие пластиночки горного хрусталя используются в радиотехнике, в ультразвуковой спектрографии, в космических связях и т. д.

...Вновь и вновь я возвращаюсь к разговору с профессором Георгием Евгеньевичем Рябухиным о таинственных свойствах камня. Пути использования выявленных «тайн», конечно, ничего общего не имеют с суевериями прошлых эпох, с амулетами разных стран. Будущий «календарь драгоценных камней» раскроет человеку истинные свойства минералов, многие из которых еще до конца не познаны современной наукой.

* * *

В мир грез, в область фантастических представлений нас уводят порой совершенно случайные явления. Просматривая одну из частных коллекций, я обнаружил в ней группу минералов и горных пород, разложенных в странном порядке. Коллекционер объединил на одной полочке минералы различного происхождения. Казалось бы, что ж тут такого? Хозяин коллекции волен распоряжаться своим имуществом, как он хочет.

Но, придя домой, я все время думал об этом случайном сочетании. Мучила мысль: а что, если попытаться представить себе подобное сочетание в природных условиях? Как могло бы все это выглядеть? Результатом этих размышлений явилась научно-фантастическая повесть «Бунт минералов». Фрагменты этой повести я и привожу здесь для иллюстрации сказанного.

...Однажды мне принесли небольшой ящичек и пакет с письмом. Обратный адрес был неожиданным: на письме стоял штамп нашего депутата Верховного Совета СССР. В короткой сопроводительной записке депутат сообщал, что пересылает мне письмо местного краеведа, лично ему известного. В прошлом этот краевед был преподавателем одной из школ, сейчас вышел на пенсию и занимается рыбной ловлей, охотой, собирает для музеев коллекции, записывает старинные сказы. Человек умный, вдумчивый и знающий. Депутат просил внимательно отнестись к письму краеведа и его посылке.

Вот это письмо:

«Я частенько брожу по разным местам, знаю здесь каждую травинку, каждый камешек. Есть у меня любимые места, особенно одно — на реке, километрах в полутора от дома. Дело стариновское: люблю порыбачить, поразмыслить на досуге, а там есть места, где всегда клев, даже зимний. Вот там-то я и столкнулся с непонятными явлениями природы, увидел то, что теперь составляет предмет всех моих изысканий и размышлений.

Снасти свои я обычно складываю у скалы, ничем вроде не примечательной. Темно-серая такая скала с шелковистым отливом. Сложена она, как говорят геологи, из сланцев, прорезанных тоненькими кварцевыми жилками. Там, где одна из этих жилок выклинивалась почти у самой воды, я и ставил банку с червями или другой приманкой для рыб. Так было все время, когда я здесь бывал, — лет пятьдесят, а то и побольше. Так что знал эту скалу как свои пять пальцев.

И вот, понимаете, 23 февраля 1956 года все это и произошло. По обыкновению своему, я пришел на рыбалку с утра пораньше, поставил банку с мормышем у этой выклинивающейся жилы, пробил пешней прорубь и сажу ловлю окуньков.

В 8 часов 45 минут утра по местному времени (время точно помню, тогда же записал) подошел к берегу, чтобы

пополнить запас приманки. Наклонился, чтобы банку поднять,— и не узнал знакомого места. Тут уж я постарюсь поточнее описать то, что видел. Маленькая жилка превратилась в мощную жилу. Ушла она далеко вглубь, ниже уровня воды. Около главной жилы зазмеились новые прожилки, во многих местах ее пересекающие. В местах пересечений возникли утолщения, а в них засверкали крупные кристаллы невиданных разноцветных минералов.

Посылаю для ознакомления некоторые из этих минералов. Взял я их в главной жиле.

Берегу эту жилу как зеницу ока. Даже охрану организовал: ребята-старшеклассники там дежурят, чтобы любители не растащили. Впрочем, место это из посторонних мало кому известно, а наши люди ничего плохого не позволят: понимают, что тут загадка природы, которая, может быть, имеет немалую научную ценность...»

Письмо я прочитал с интересом, хотя и не все в нем было понятно. Но просмотр присланных минералов восстановил меня против краеведа.

Что это? Какой-то дикий набор минералов, как правило никогда не встречающихся друг с другом. Не такой уж это знающий человек, если так безграмотно собрал из разных мест минералы и сложил их в одну кучу!

Дело в том, что в классической науке о камнях есть свои законы сочетаний минералов. Если внимание следопыта привлечет, например, жирный блеск красноватого или слегка зеленоватого камня, то любитель природы всегда легко сориентируется по справочникам и скажет, что это нефелин — минерал, встречающийся только в тех породах, в которых отсутствует кварц. Такие бескварцевые, содержащие нефелин породы называют щелочными.

В щелочном комплексе горных пород легко отыскать зеленовато-черные вытянутые кристаллы эгирина, синеватые скопления содалита, желто-оранжевые одиночные цирконы и десятки других минералов. Можно даже предсказать все многочисленное семейство важных для про-

мышленности, иногда очень редких минералов, содержащих торий, гафний, лантан, церий и другие элементы.

Но в щелочных породах не увидишь горного хрусталя — кварца. У этого минерала свои «поклонники» и спутники, составляющие другой тип сообщества минералов. Вместе с кварцем встретишь винно-желтый или голубой топаз, цвета морской воды аквамарин или зеленый изумруд, черный или малиновый шерл; попадаетеся золото или блестящие кубики пирита. Все это сообщество можно найти в породах, называемых кислыми. (Меня всегда корбит от этого названия, но ничего не поделаешь: термин есть термин.) Типично кислой породой считают гранит.

Невозможно сочетание и совместное сосуществование минералов кислых и щелочных пород. Их не встретишь в одной жиле. Они противопоставлены друг другу. В присланных же образцах была именно эта невозможная смесь минералов, характерных и для кислых, и для щелочных пород. Это запрещенные связи.

...Поезд доставил меня на один из глухих полустанков. Меня встретил и повел к себе домой невысокий, полнеющий пожилой человек, назвавшийся Иваном Ивановичем. Наше путешествие к скале мы отложили на утро следующего дня.

Из дома вышли затемно. Утренний воздух был насыщен сыростью. Недалекий путь к реке прошли молча. Светало. И вдруг у заветной скалы я увидел те странные, невозможные сочетания, которые описывал Иван Иванович в своем письме.

Зона пересечения двух мощных жил создала раздуд неправильной формы. В нем-то и сконцентрировалось большое количество крупных кристаллов. Это был неповторимый по красоте каменный букет. Здесь соединились в странных сочетаниях все оттенки зеленых, желтых, голубых, малиново-красных цветов. Взошло солнце, и грани кристаллов, смоченные утренней росой, сверкали, будто отшлифованные.

Особенно поражали заполненные камнями пещеристые пустоты, так называемые занорыши, в которых добываются обычно самые красивые кристаллы.

Глаз в первую очередь уловил крупные просвечивающие зеленые камни. Это были изумруды. Их ярко-зеленый цвет как бы освещал центральную часть занорыша. К краевым участкам кристаллы становились синевато-голубыми, принимая облик типичных аквамаринов, а в отдаленной периферии они были желтыми, прозрачными — типичными гелиодорами.

Между изумрудами, аквамаринами и гелиодорами была густая щетка кристаллов кварца — горного хрусталя, тоже цветного. Особенно красивым было сочетание нежно-голубого аквамарина с фиолетовым аметистом. Вот уж никогда не думал, что встречу эти два камня сросшимися друг с другом. Красота такого неповторимого сочетания подчеркивалась обрамлением из золотистого пирита.

Группа минералов в верхней части занорыша была увенчана крупными призматическими кристаллами турмалина. Как гладиолусы украшают букет, так и здесь вытянутые кристаллы цветных турмалинов придавали законченный вид этому сочетанию разнообразных камней. Турмалины были разноцветными (вот почему мелькнуло сравнение с гладиолусами). Снизу, у основания кристаллов, преобладали индигово-синие тона, кверху окраска светлела, становилась зеленоватой, потом розовой и малиново-красной. Головка кристалла была черной. Я видел предмет вожделения многих коллекционеров — кристалл турмалина, носящий название «голова негра». Так называют только те полихромные, различно окрашенные разновидности, у которых самый верх кристалла окрашен в черный цвет.

Много здесь было и редких минералов, которым я затруднялся дать название. Ясно только одно: это были минералы запрещенных связей, минералы, не встречающиеся вместе друг с другом. Как будто природа взбунто-

валась против установленных геологией законов и начала творить «по собственному разумению»!

Такой каменный букет надо было взять остороженько и целиком. Он явится украшением любого музея мира.

Все это время Иван Иванович молча стоял рядом, не перебивая меня ни вопросами, ни рассуждениями, которыми обычно любят поделиться знатоки-любители. Он только напомнил мне, что это каменное великолепие образовалось в два этапа. Первый раз камни здесь появились под сполохи северного сияния несколько лет назад. Второй раз они возникли 23 февраля 1956 года, в 8 часов 45 минут местного времени.

В этом была загадка. Почему природа, которая обычно создает свои богатства веками и тысячелетиями, здесь в несколько минут сотворила такое чудо?

Почему взбунтовались минералы и создали те запрещенные сочетания, которые не укладываются ни в какую научную схему?

Эти камни не могли возникнуть давно, иначе они уже были бы найдены так же, как месторождение аметистов в Ватихе или изумрудные копи на Урале. Предприимчивые люди не раз обошли все сокровенные уголки Урала, и, конечно, такой открытый занорыш давным-давно был бы выработан.

А ведь это не единственный труднообъяснимый случай. Появление крупных, хорошо ограненных минералов в неожиданных, давно исхоженных местах известно.

Вот недавний пример. Группа студентов Свердловского горного института совершила несколько лет назад путешествие в район Тайгинского месторождения графитов. Здесь, почти в самом карьере, неоднократно осмотренном геологами, студенты обнаружили занорыш, полный драгоценных камней.

Разве могли не увидеть эти камни те, кто здесь работал годами? Конечно же нет! И геологи, и рабочие сотни раз наткнулись бы на этот занорыш.

А сколько других подобных примеров можно привести по другим районам!

Нет, камни живут, и мы еще многого не знаем о способах их образования.

За что же зацепиться? Как ответить хотя бы на главную часть поднятых вопросов?

Ясно, что нужно осмысливать каждый факт, и в первую очередь выяснить, что же произошло 23 февраля 1956 года. (Ту, давнюю дату установить не удалось.) И тут я вспомнил, что это был действительно необыкновенный день. О нем уже исписаны тысячи страниц во всем мире. Сотни ученых всех стран и до сих пор заняты изучением явлений, подобных тому, которое произошло 23 февраля 1956 года.

В этот день на Солнце произошел взрыв, силу которого можно сравнить с силой одновременного взрыва миллиона водородных бомб. Кандидат физико-математических наук Л. И. Дорман рассказывает, что в Москве, Свердловске, Тбилиси и во многих других городах это явление отметили научные станции.

Взрыв был замечен в 3 часа 30 минут (время по Гринвичу). Это соответствует 6 часам 30 минутам московского или 8 часам 30 минутам местного времени. А Иван Иванович не раз подчеркивал, что к жилой свите он подошел в 8 часов 45 минут.

В день и час, указываемый наблюдателями многих научных станций, нарушилась коротковолновая радиосвязь на всей освещенной стороне Земли. В 8 часов 40 минут (по местному времени) небывало увеличился поток космических лучей. Их количество возросло на 400—500 процентов от обычного нормального уровня. Это несбычайное увеличение потока космического излучения зарегистрировал японский наблюдатель Китамура.

Одновременно разразилась сильнейшая магнитная буря. Она сопровождалась резкой вспышкой рентгеновского и ультрафиолетового излучения.

Профессор Данжон — директор Парижской обсерватории — отметил в этот день замедление вращения Земли. До этого, по данным Данжона, Земля ускоряла свое вращение на 7,2 микросекунды в сутки (на 7,2 миллионной доли секунды). С 23 февраля Земля замедляет свое вращение, и продолжительность суток стала возрастать на 2,5 микросекунды.

Директор Крымской астрофизической обсерватории А. Северный дал объяснение процессу взрыва. Вспышки, по его мнению, возникают в результате быстрого сжатия магнитных полей. Это сжатие происходит в небольшой области солнечной сверхкороны. Температура при этом достигает многих миллионов градусов.

Академик В. А. Амбарцумян пришел к выводу, что вспышка 23 февраля была вызвана истечением особого вещества из области солнечного ядра. В этот день Земля столкнулась с событиями космического порядка. Это был гигантской силы атомный удар.

Надо сразу оговориться. Атомный удар 23 февраля 1956 года не имел ничего общего с явлениями, которые происходят при взрывах атомных и водородных бомб.

Нет, то, что произошло в природе, было вызвано иным типом реакций. Ведь 23 февраля никто не стал жертвой атомного удара. Многие из этих явлений еще не изучены сегодня. Возможно, появление необыкновенного булета минералов могло быть вызвано именно космическим атомным ударом: это произошло в тот момент, когда резко усилилось космическое излучение. Но что мы знаем о влиянии атомного облучения на горные породы и минералы?

...Надо ли завершать эту научно-фантастическую повесть тем, что в действительности не было ни Ивана Ивановича, ни скалы с необычайным набором минералов? Имелось лишь стремление показать идеального коллекционера, «зараженного камнем», и те грезы, которые порой возникают у специалиста под влиянием совершенно случайных явлений.

Оглавление

Такое не пригрезится	17
Музыка в камне	21
В мире нетленной красоты	32
Природные музеи	62
«Заражены» камнем	91

Малахов А. А.

М18 Каменные грёзы. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1980.— 128 с. с ил.

Научно-художественные рассказы известного уральского писателя, доктора геолого-минералогических наук А. А. Малахова о дикийной красоте Урала, а также о знаменитых редких находках в мире камня. Книга заинтересует широкого читателя.

М 20904—033

М 1518(03) — 80

55

ИБ № 645

Анатолий Алексеевич Малахов

Каменные грёзы

Редактор А. К. Агатицкая

Художник А. В. Вохмин

Художественный редактор В. С. Солдатов

Фотографии выполнили П. П. Ищенко, Е. П. Ищенко,

В. Т. Бриль, Н. М. Перевышин

Технический редактор Н. Н. Зауолкова

Корректоры Е. В. Иванова, А. Г. Богородская

Сдано в набор 20.06.80. Подписано в печать 25.11.80. ИС 12751. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Типографская № 2. Академическая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,7. Тираж 25000. Заказ 311. Цена 60 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск. ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151. Свердловск, пр. Ленина, 49. Дипозитивы изготовлены в областной типографии г. Челябинска.

60 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1980

На обложке:

Скалы Семь Братьев...

Агат «Глаз»

Причудливо срастила
природа разные кристаллы

На титуле:

Уральские горы

